

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет

SOCIOLOGY OF CITY

2014 no 4

Scientific-and-theoretical journal

4 issues per year

Year of foundation — 2007
1st issue was published in 2008

Russian Federation, Volgograd

Founders:
Volgograd State University
of Architecture and Civil Engineering
(VSUACE)

The journal is included in Russian Science
Citation Index (RSCI)
(<http://www.elibrary.ru>),
Ulrich's Periodicals Directory
(<http://serialsolutions.com>),
DOAJ (<http://www.doaj.org>),
EBSCO (<http://www.ebsco.com>)

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

Sotsiologiya Goroda

2014 № 4

Научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Учрежден в 2007 г.
1-й номер вышел в 2008 г.

г. Волгоград

Учредитель:
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. выдано Федеральной службой
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране
культурного наследия

Журнал входит в утвержденный ВАК Минобрнауки России Перечень
ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора
и кандидата наук

Журнал включен в базы данных:
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ), <http://www.elibrary.ru>,
Ulrich's Periodicals Directory, <http://www.serialsolutions.com>,
Directory of Open Access Journals (DOAJ), <http://www.doaj.org>
EBSCO, <http://www.ebsco.com>

Редакционный совет:

председатель — д-р техн. наук, проф.
С.Ю. Калашников
(ВолГАСУ, Волгоград)

зам. председателя — канд. техн. наук, доц.
В.И. Воробьев
(ВолГАСУ, Волгоград)

д-р техн. наук, проф. **А.Н. Богомолов**
(ВолГАСУ, Волгоград)

канд. архит., проф. **А.В. Антюфеев**
(ВолГАСУ, Волгоград)

д-р экон. наук, проф. **О.В. Максимчук**
(ВолГАСУ, Волгоград)

д-р техн. наук, проф. **Л.В. Примак**
(РАНХиГС, Москва)

д-р техн. наук, проф. **В.М. Шумячер**
(ВИСТех, г. Волжский)

**Главный редактор
журнала:**

д-р филос. наук, проф.
Б.А. Навроцкий (ВолГАСУ, Волгоград)

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук,
проф. **В.И. Добренников** (МГУ, Москва)

д-р техн. наук, проф. **В.Н. Азаров**
(ВолГАСУ, Волгоград)

д-р социол. наук, проф. **В.В. Деларю**
(ВолГМУ, Волгоград)

д-р социол. наук **Г.Н. Ильина**
(МГИМО, Москва)

д-р экон. наук **Г. А. Медиева**
(Национальная инженерная академия
Республики Казахстан, Алматы)

д-р архит., проф. **Г.А. Птичникова**
(Волгоградское представительство
НИИТИАГ РААСН)

д-р экон. наук, проф. **В.Н. Казаков**
(МГУ, Москва)

д-р филос. наук, д-р юрид. наук,
проф. **Н.Н. Седова** (ВолГМУ, Волгоград)

доктор философии, председатель фонда
им. Гензельманна (Берлин, Германия)
Т. Флирль

д-р искусствоведения **Ояр Спаритис**
(Латвийская академия наук)

нач. РИО **М.Л. Песчаная**
(ВолГАСУ, Волгоград)

Адрес редакции:
400074, Волгоград, ул. Академическая, 1
Тел. (8442)96-99-25, (8442)96-98-28

© Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Волгоградский
государственный архитектурно-
строительный университет», 2014

Editorial council:

Chairman — Doctor of Engineering Science, Professor
S.Yu. Kalashnikov (VSUACE, Volgograd)

Deputy Chairman —
Candidate of Engineering Science, Docent **V.I. Vorob'ev**
(VSUACE, Volgograd)

Doctor of Engineering Science, Professor **A.N. Bogomolov**
(VSUACE, Volgograd)

Candidate of Architecture, Professor **A.V. Antyufeev**
(VSUACE, Volgograd)

Doctor of Economics, Professor **O.V. Maksimchuk**
(VSUACE, Volgograd)

Doctor of Engineering Science, Professor **L.V. Primak**
(The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Moscow)

Doctor of Engineering Science, Professor **V.M. Shumyacher**
(Volzhskii Institute of Civil Engineering and Technology, Volzhskii)

Chief Editor:

Doctor of Philosophy, Professor
B.A. Navrotskii (VSUACE, Volgograd)

Editorial team:

Doctor of Philosophy, Professor
V.I. Dobren'kov (Moscow State University, Moscow)

Doctor of Engineering Science, Professor
V.N. Azarov (VSUACE, Volgograd)

Doctor of Social Sciences, Professor **V.V. Delaryu**
(Volgograd State Medical University, Volgograd)

Doctor of Social Sciences **G.N. Il'ina** (Moscow State Institute
of International Relations, Moscow)

Doctor of Economics **G.A. Medieva**
(National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan,
Kazakhstan, Almaty)

Doctor of Architecture, Professor **G.A. Ptichnikova**
(Volgograd branch of The Research Institute of the Theory
and History of Architecture and Town Planning
of the Russian Academy of Architecture
and Construction Sciences)

Doctor of Economics, Professor **V.N. Kazakov**
(Moscow State University, Moscow)

Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor **N.N. Sedova**
(Volgograd State Medical University, Volgograd)

Historian of Architecture, Specialist in Culture, Doctor **T. Flierl**
(Institute of History and Theory of Architecture and Planning)
University Bauhaus, Germany)

Doctor habil. Art. **Ojars Sparitis** (Latvian Academy of Sciences)

Head of Editorial and Publication Department
M.L. Peschanaya
(VSUACE, Volgograd)

Address:

Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering (VSUACE).
1, Akademicheskaya St., Volgograd, 400074, Russian Federation,
info@vgasu.ru, www.vgasu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНОСФЕРА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ГОРОД И ЭКОЛОГИЯ	<i>Курьева Л. В., Голованчиков А. Б., Каблов В. Ф.</i> Оценка экологической безопасности урбанизированных территорий с учетом допороговых показателей ... 5
УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ И ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ	<i>Павлов Б. С.</i> К вопросу о социально-поселенческой ассимиляции сельской молодежи в уральских городах ... 15
ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ	<i>Вершинин Е. Г., Деларю В. В.</i> Престижность профессий как рефлексия ценностных ориентаций подростков г. Волгограда ... 27 <i>Кураков Д. А., Бондаренко А. С., Шестаков А. А.</i> Социальный профиль отношения к абортам жительниц крупного промышленного города ... 37 <i>Седова Н. Н., Кантемирова Г. А., Каплунов К. О.</i> Родители-горожане глазами врачей (на материале городского детского инфекционного стационара) ... 45
АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН	<i>Масловская О. В., Чернявина Л. А.</i> Особенности функционирования площадок на крышах как мест социальной коммуникации (на примере кампуса ВГУЭС во Владивостоке) ... 53 <i>Матовников С. А., Матовников Г. С.</i> Социальное измерение архитектурно-светового пространства города ... 68
АВТОРАМ	<i>Условия приема статей в редакцию и требования к авторским оригиналам ... 82</i>

CONTENT

TECHNOSPHERE OF MODERN
CITY: CITY AND ECOLOGY

Kuryleva L. V., Golovanchikov A. B., Kablov V. F.
Evaluating ecological safety of urbanized areas
with account for below-threshold values ... 5

MANAGEMENT OF SOCIAL
AND ECONOMIC SYSTEMS

Pavlov B. S. To the issue of social and settlement assimilation
of rural youth in Ural cities ... 15

HUMAN IN CONTEMPORARY
CITY

Vershinin E. G., Delaryu V. V.
Occupational prestige as reflection of the youth value
system in Volgograd ... 27

Kurakov D. A., Bondarenko A. S., Shestakov A. A.
Social profile
of attitude to abortion
of residents of a large industrial city ... 37

Sedova N. N., Kantemirova G. A., Kaplunov K. O.
Parents-citizens through the eyes of doctors
(on the material of the municipal children's infectious
hospital) ... 45

ARCHITECTURAL SPACE
AS A SOCIO-CULTURAL
PHENOMENON

Maslovskaya O. V., Chernyavina L. A.
Special features of functioning of flat roofs
as the places for social communication
(on the example of VSUES campus in Vladivostok) ... 53

Matovnikov S. A., Matovnikov G. S.
Social dimension of architectural-lighting environment
in the city ... 68

INFORMATION FOR AUTHORS

Вниманию авторов и читателей!
Подписку на журнал можно оформить в
отделениях Почты России
по каталогу «Пресса России», подписной индекс
29507, и электронному каталогу агентства
«Книга-Сервис» (www.akc.ru),
подписной индекс **E 29507**.
По вопросам приобретения выпусков журнала
2008–2014 гг.
обращаться в редакцию по тел. (8442) 96-99-25

Домашняя страничка журнала ISSN 2077-9402
(Online)
на сайте ВолгГАСУ www.vgasu.ru
(<http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology>)

*Admission articles to the editors and the requirements
for copyright originals ... 82*

УДК 502.175

*Л. В. Курьева,
А. Б. Голованчиков,
В. Ф. Каблов*

**ОЦЕНКА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
УРБАНИЗИРОВАННЫХ
ТЕРРИТОРИЙ
С УЧЕТОМ ДОПОРОГОВЫХ
ПОКАЗАТЕЛЕЙ**

Предлагается новый подход к оценке экологической безопасности на основе сравнения реальных технологических процессов с идеальным и определения «наилучшей доступной технологии» с наивысшим уровнем охраны окружающей среды. Наиболее распространенные экологические оценки по санитарно-гигиеническим нормативам и нормативам допустимого воздействия не позволяют в полной мере оценить пределы устойчивости экосистемы к антропогенному воздействию и, соответственно, полностью оценить экологическую безопасность среды жизнедеятельности человека. Нижние пороги безопасности по предельно допустимым концентрациям последнее время имеют тенденцию к снижению значений по величине, особенно по воздействиям различных канцерогенов и ионизирующей радиации. Показана необходимость совершенствования оценки экологической безопасности среды жизнедеятельности человека с учетом допороговых критериев антропогенного воздействия на основе научного подхода экологической идеализации.

Вводится дополнительный критерий оценки – экологическая идеальность, позволяющий на первоначальном этапе определять степень отклонения (близости) реальных процессов от идеального экологического процесса, следовательно, выбирать «наилучшую доступную технологию». На основе введенного критерия разработаны дополнительные количественные показатели оценки технологических и техногенных процессов по воздействию на городскую среду, учитывающие допороговые факторы экологической

Развитие современной индустрии в городской среде, несмотря на усовершенствование технологий, ведет к все большему ее загрязнению, деградации и ухудшению условий жизнедеятельности человека. Вместе с ростом производства растет потребление сырьевых ресурсов, возрастает количество вредных веществ, вносимых в биосферу, увеличиваются объемы промышленных и бытовых отходов. В связи с этим особую актуальность приобретают критерии и методы оценки экологической безопасности строящихся и функционирующих объектов городского хозяйства [1, 2].

В целях повышения уровня защищенности среды жизнедеятельности человека предлагается ввести более усовершенствованные оценки экологической безопасности урбанизированных территорий, которые учитывают допороговые критерии антропогенного воздействия. При оценке любого технологического процесса российским и международным экологическим законодательством закреплено применение «наилучшей доступной технологии» (НДТ) с использованием экологически эффективных методов нормирования загрязнения окружающей среды¹.

На сегодняшний день оценка экологической безопасности базируется в основном на оценке пределов допустимой экологической нагрузки, и одним из основных методов оценки является экологическое нормирование, т. е. разработка экологических нормативов на локальном, региональном и глобальных уровнях. Основной величиной экологического нормирования качества природной среды является предельно допустимая концентрация (ПДК) вредного вещества. При оценке состояния качества среды проводят сравнительные количественные оценки концентраций вредных веществ с ПДК. Нормативы допустимого воздействия устанавливаются в соответствии с показателями воздействия хозяйственной или иной деятельности на окружающую среду и такими, чтобы соблюдались нормативы качества окружающей среды.

Эти экологические оценки не позволяют в полной мере оценить пределы устойчивости эко-

¹ ГОСТ Р 54097—2010. Ресурсосбережение. Наилучшие доступные технологии. Методология идентификации. М.: Стандартинформ, 2011. 14 с.

безопасности в соответствии с естественным фоном: «относительное отклонение локального процесса от идеального», «предел допустимой неидеальности», а также интегральные показатели оценки качества городской среды.

Ключевые слова:

экологическая безопасность, допороговые показатели оценки, экологическая идеальность, наилучшая доступная технология.

*L. V. Kuryleva,
A. B. Golovanchikov,
V. F. Kablov*

EVALUATING ECOLOGICAL SAFETY OF URBANIZED AREAS WITH ACCOUNT FOR BELOW-THRESHOLD VALUES

A new approach is proposed for the evaluation of ecological safety based on the comparison of actual technological processes with the ideal one and determining 'the best available technology' with the highest level of environmental protection. The most common ecological evaluation methods regarding the sanitary and hygienic standards, as well as the acceptable impact standards, do not allow to perform an exhaustive evaluation of an ecosystem's limits of resistance to anthropogenic impacts, and consequently, to give an all-round assessment of the ecological safety of the environment for human life and activities. The lower safety threshold values of maximum allowable concentrations have shown a downward trend in respect of magnitudes of values, particularly for impacts of different carcinogenic substances and ionizing radiation, which may show effect on the genetic level. It is shown that it is necessary to improve the evaluation of the ecological safety of the environment for human life and activities taking into consideration the below-threshold criteria of the anthropogenic impact based on the scientific approach to ecological idealization.

системы к антропогенному воздействию и, соответственно, полностью оценить экологическую безопасность среды жизнедеятельности человека. Нижние пороги безопасности по предельно допустимым концентрациям в последнее время имеют тенденцию к снижению значений по величине, особенно по воздействиям различных канцерогенов и ионизирующей радиации, которые могут влиять на генетический статус человека. Необходимо отметить, что наиболее чувствительными к качеству окружающей среды являются дети. Реакция ребенка на воздействие вредных факторов даже при «допороговых» уровнях значительно выше, чем у взрослых².

Приведенные факты показывают необходимость научного поиска дополнительных критериев, выполнение которых будет приближать состояние экосистемы к допороговому состоянию и созданию устойчиво развивающейся безопасной среды жизнедеятельности человека. Необходим иной критерий оценки, который на первоначальном этапе позволил бы определить степень приближения к заданному допороговому уровню. Этот критерий должен быть общим, применимым к любому процессу и в то же время конкретно помогающим в оценке различных технологических процессов.

На наш взгляд, этим требованиям соответствует подход «научной идеализации», совмещенный с дополнительным критерием оценки экологической безопасности — «экологическая идеальность» (относительное отклонение реального процесса от идеального). Для реализации такого подхода вводится термин «идеальный экологический процесс» — это процесс, в котором величина параметров в газовых, жидких и твердых выбросах и отходах на урбанизированных территориях равна величине этих параметров в природной среде [3]. Для количественной оценки отклонения локального процесса от идеального экологического процесса для городских природно-технических систем предложена формула расчета относительных параметров:

² Программа общественной палаты Российской Федерации «Экологическая педиатрия», 2013. URL: <http://detstvo2030.ru/blog/zdorovye-i-ekologiya/proektyi-451/programma-ekologicheskaya-pediat>. (дата обращения 16.06.2014).

An additional evaluation criterion of *ecological ideality* is introduced, which makes it possible to determine the degree of deviation (closeness) of the actual process from the ideal ecological process at the initial stage, and consequently, to choose 'the best available technology'. On the basis of the introduced criterion, additional quantitative indicators have been developed to evaluate technological and technology-related process in terms of their impact on the urban environment, taking into account the below-threshold factors of ecological safety in accordance with the natural background: 'relative deviation of a local process from the ideal one', 'acceptable non-ideality limit', as well as integral quality evaluation indicators for the urban environment.

Key words:

ecological safety,
below-threshold evaluation indicators,
ecological ideality,
best available technology.

Об авторах:

Курылева Лариса Викторовна —
начальник отдела,
Волжский учебный центр
филиала ОАО "РусГидро" - "КорУнГ",
Российская Федерация, 404130,
г. Волжский, пр. Ленина, 1а,
kurylevaiv@mail.ru

Голованчиков Александр Борисович —
доктор технических наук, профессор,
зав. кафедрой процессов и аппаратов
химических производств,
Волгоградский государственный
технический университет (ВолГТУ),
Российская Федерация, 400005,
г. Волгоград, пр. им. Ленина, 28

Golovanchikov Aleksandr Borisovich —
Doctor of Engineering Science, Professor,
Head of Processes and Instruments
of Chemical Productions Department,
Volgograd State Technical University (VSTU),
Russian Federation, 400005, Volgograd,
Lenin Avenue, 28

Каблов Виктор Федорович —
доктор технических наук, профессор,
директор,
Волжский политехнический институт
(филиал) ВолГТУ,
Российская Федерация, 404121,
г. Волжский Волгоградской обл.,
ул. Энгельса, 42а

$$A_{и} = \frac{K_p - K_{и}}{K_{и}},$$

где $A_{и}$ — относительное отклонение процесса от идеального;

K_p — значение материального или энергетического параметра (концентрация, температура) на выходе в газовых, жидких или твердых выбросах;

$K_{и}$ — значение материального или энергетического параметра в природной среде.

Считаем необходимым ввести термин «нормальный экологический процесс» [4]. *Нормальный экологический процесс* — это процесс, в котором величина параметров в газовых, жидких и твердых выбросах и отходах не превышает или равна предельно допустимому значению для данной среды. Для оценки отклонения от экологической идеальности нормального процесса используется формула

$$K_{э} = \frac{|K_p - ПДК|}{ПДК},$$

где $K_{э}$ — коэффициент нормальной экологичности;
ПДК — предельно допустимая концентрация или температура (значение материального или энергетического параметра) в данной среде.

Процесс можно считать нормальным экологическим процессом в случае, если $K_p = ПДК$, тогда $K_{э} = 0$, а также если $K_{э} < 0$, и не считать таковым в случае, если $K_{э} > 0$.

В целях совершенствования интегральных оценок качества воздушной среды представляется целесообразным введение интегрального показателя оценки с учетом критерия экологической идеальности и класса опасности вредных веществ:

$$K_{инт} = \sum_{i=1}^n \frac{A_i q_i}{a_i}, \quad (1)$$

где $K_{инт}$ — коэффициент интегральной характеристики техногенных процессов;

a_i — весовой коэффициент с учетом класса опасности;

A_i — относительное отклонение локального процесса от идеального;

q_i — доля i -го компонента в смеси.

Kablov Viktor Fedorovich –
 Doctor of Engineering Science, Professor,
 Director,
 Volzhskii Polytechnical Institute
 (affiliate) VSTU,
 Russian Federation, 404121, Volzhskii,
 Volgograd Oblast, Engels St., 42a

С учетом введенных показателей проведена оценка экологической безопасности различных технологических процессов в городских технических системах, в частности тепловых процессов горения в отопительных и энергетических городских системах [4]. Для углерода, имеющего наихудший с точки зрения экологической идеальности показатель по концентрации, рассматривалась возможность его уменьшения путем введения в реакцию горения метана и водорода. Расчеты проводились согласно формуле (1). При увеличении в смеси С-СН₄ доли метана $K_{инт}$ уменьшается в 3,6 раза, и в смеси С-Н₂ при увеличении доли водорода $K_{инт}$ уменьшается в 3,6 раза, что говорит о равных возможностях использования и метана, и водорода для уменьшения отклонения от экологической идеальности.

Однако при взаимодействии компонентов между собой необходимо учитывать их взаимовлияние. В результате взаимодействия углерода и водорода образуется синтез-газ, в связи с чем целесообразно рассчитать $K_{инт}$ при взаимодействии компонентов:

$$K_{инт} = \frac{A_1 q_1}{a_1} + \frac{A_2 q_2}{a_2} + \frac{A_1 A_2 q_1 q_2}{a_1 a_2}.$$

Согласно приведенным расчетам в табл. 1 показано, что при увеличении в смеси С-СН₄ доли метана $K_{инт}$ уменьшается в 1,6 раза, а в смеси С-Н₂ при увеличении доли водорода $K_{инт}$ уменьшается в 1,8 раза. Следовательно, теоретически предложенный вариант дожига угля в смеси с водородом представляет «наилучшую доступную технологию» по сравнению с дожигом в смеси с метаном.

Таблица 1. Зависимость $K_{инт}$ от доли компонента метана или водорода в смесях (С-СН₄) и (С-Н₂) при условии взаимодействия исходных веществ

Доля метана в смеси (С-СН ₄)	$K_{инт}$ (С-СН ₄)	Доля водорода в смеси (С-Н ₂)	$K_{инт}$ (С-Н ₂)
0,2	177,12	0,2	172,78
0,4	191,38	0,4	184,68
0,6	167,02	0,6	160,39
0,8	104,58	0,8	100,11

Таким образом, введя новые показатели оценки экологической безопасности (локальные и интегральные), можно прогнозировать уменьшение концентрации вредных газов в продуктах сгорания различных топлив и даже оптимизировать их состав при совместном горении в энергетических городских системах.

В качестве совершенствования расчета нормативов допустимого воздействия вводится дополнительный показатель оценки «предельно допустимая неидеальность» (ПДН) как отношение предельно допустимой концентрации вещества (ПДК) к его естественной концентрации в окружающей среде (K_{ni}):

$$\text{ПДН} = \frac{\text{ПДК}_i}{K_{ni}}.$$

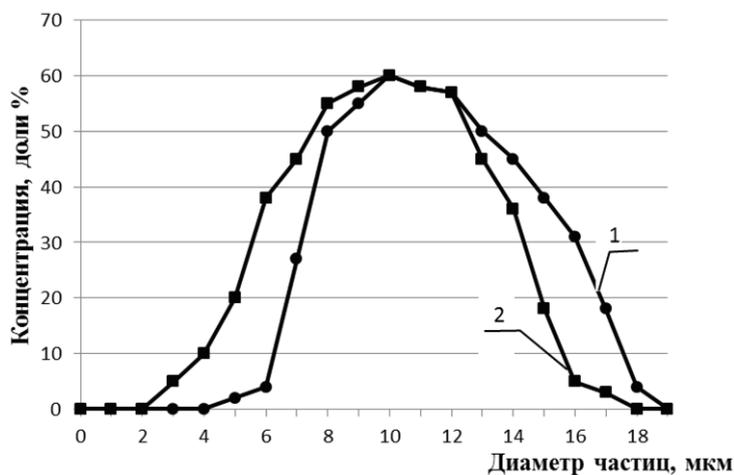
ПДН рассчитывается для конкретного вещества и учитывается при оценке суммарных выбросов предприятий.

В качестве примера оценки с учетом вводимых показателей приведена оценка экологической безопасности процессов измельчения. Процессы измельчения широко распространены в различных отраслях промышленности — металлургической, рудодобывающей, строительной, химической, нефтехимической, а также в процессах переработки твердых и твердообразных отходов. По количеству выбрасываемой пыли в окружающую среду промышленность строительных материалов занимает второе место после предприятий теплоэнергетики. Пыль с соединениями опасных веществ (серы, азота, тяжелых металлов, канцерогенов) распространяется на большие расстояния в виде аэрозолей.

Существует четкая зависимость между экспозицией пылевого фактора территорий или помещений и возникновением различных болезней органов дыхания человека. Для заболеваний органов дыхания, обусловленных высокой концентрацией пыли в воздушной среде, характерна необратимость их течения, в большинстве случаев данные заболевания приводят к потере трудоспособности заболевших и сокращению срока жизни. Наиболее распространенными заболеваниями, обусловленными воздействием пыли на органы дыхания, являются пневмокониозы и хронические бронхиты. Необходимо также отметить, что в случаях превышения предельно допустимых концентраций (ПДК) мелкодисперсных частиц пыли с размерами частиц менее 10 мкм и менее 2,5 мкм на каждые 20 % происходит увеличение заболеваний с нарушениями мозгового кровообращения примерно на 50 %. Вместе с тем, частицы мелкодисперсной пыли способны перемещаться на достаточно большое расстояние и длительное время находиться в воздушной среде территорий или помещений, поступая в органы дыхания населения и вызывая риск возникновения различных заболеваний [5].

С учетом актуальности проблемы и введенного критерия экологической идеальности проведена оценка экологической безопасности процессов измельчения в строительной отрасли. В качестве примера оценивался механический процесс измельчения известняка в зависимости от альтернативности использования технологий — сухого или мокрого способа измельчения с последующей очисткой в циклоне (табл. 2). На рис. 1

представлена плотность распределения частиц при сухом и мокром измельчении известковой породы при $C_n = 22 \text{ г/м}^3$ и $C_n = 9 \text{ г/м}^3$ соответственно.

Рис. 1. Плотность распределения частиц известковой породы: 1 – при сухом измельчении; 2 – при мокром измельчении

С учетом заданной степени очистки 98 % и расходе $2 \text{ м}^3/\text{с}$ при сухом способе измельчения требуется 5 циклонов диаметром 336 мм, при этом концентрация на выходе превышает ПДК более чем в 2 раза и требуется дополнительная очистка воздуха на фильтрах. При мокром измельчении требуется всего один циклон диаметром 882 мм, при этом концентрация пыли на выходе ниже ПДК рабочей зоны, что обеспечивает большую технико-экономическую и экологическую эффективность процесса.

Таблица 2. Количественная оценка механического процесса измельчения известняка с учетом экологической идеальности

Наименование процесса	Исходные и расчетные параметры			
	Естественная концентрация пыли в воздухе C_n , мг/м^3	Концентрация пыли на выходе из циклона C_k , мг/м^3	Относительное отклонение от идеальности A_i	Предельно допустимая неидеальность ПДН
Измельчение сухим способом с последующей очисткой в циклоне	0,1	12,4	123	2
Измельчение мокрым способом с последующей очисткой в циклоне	0,1	5,8	57	0,9

Таким образом, оба процесса измельчения — и сухой, и мокрый — с последующей очисткой в циклонах далеки от экологической идеальности, но при выборе способа измельчения известняка с точки зрения выбора

наилучшей доступной технологии рекомендован мокрый способ измельчения с последующей очисткой в циклоне. При данной технологии отклонение от экологической идеальности стремится к единице, что приближает данную технологию к наилучшей доступной технологии.

С точки зрения приведения к единой системе оценки количественных показателей предлагается рассматривать шкалу желательности с интервалом значений желательности от 0 до 1 [6]. Желательность для отдельного свойства обозначают d , для набора свойств D . Желательность $d = 0$ ($D = 0$) соответствует неприемлемому уровню данного свойства, а $d = 1$ ($D = 1$) — лучшему значению качества.

Используем функцию желательности Харингтона для двухсторонних ограничений:

$$d_i = \exp\left[-(Y_i')^\alpha\right], \quad (2)$$

где Y' — безразмерный показатель желательности,

$$Y_i' = \frac{2Y_i - (Y_{\max} + Y_{\min})}{Y_{\max} - Y_{\min}};$$

Y_i — экспериментальное значение показателя;
 $Y_{\max}$ и $Y_{\min}$ — максимальное и минимальные значения;
 α — ранг показателя.

Обобщенная функция желательности рассчитывается по формуле

$$D = \sqrt[n]{d_1 d_2 d_3 d_n}, \quad (3)$$

где d_i — частные функции желательности.

Базовые величины шкалы желательности [6]:

при $d \in]0,80; 1,00]$ — очень хорошее качество;

при $d \in]0,63; 0,80]$ — хорошее;

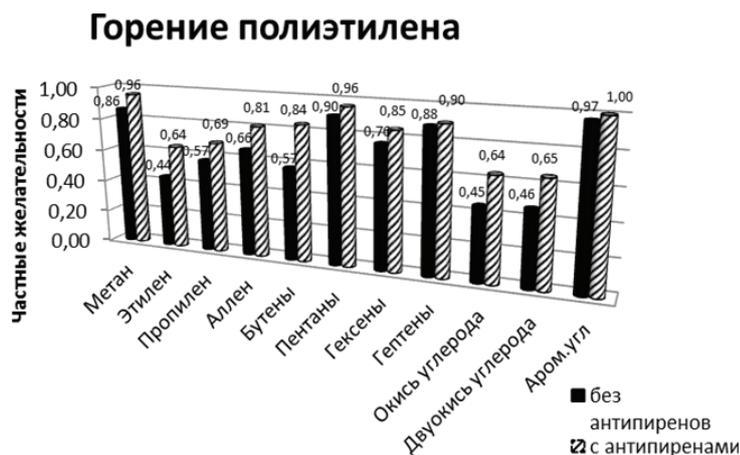
при $d \in [0,37; 0,63]$ — удовлетворительное;

при $d \in]0,37; 0,20]$ — плохое.

Предложенная оценка наглядно показана на примере процессов горения отходов, которые в больших количествах складываются на полигонах и промотвалах, где очень велика опасность их несанкционированного возгорания. Большую опасность для окружающей среды и для здоровья и жизни человека представляют вредные, токсичные продукты сгорания, образующиеся при горении полимерных материалов, которых в силу специфики Волгоградского региона образуется большое количество. Наиболее опасными среди них являются полихлорированные бифенилы, изделия из поливинилхлорида, целлюлозно-бумажная и полиэтиленовая продукция, горение которых сопровождается образованием экологически опасных веществ — диоксинов, которые являются очень стойкими ксенобиотиками.

С точки зрения экологической идеальности процесса необходимо регулировать процесс разложения полимеров в сторону увеличения

коксового остатка, что обеспечит снижение количества вредных летучих соединений при горении и одновременно понизит горючесть полимерных материалов. Одним из таких способов является введение в состав полимеров антипиренов, способных разлагаться с большим эндотермическим эффектом. Для более наглядной оценки идеальности использовалась функция желательности Харингтона для двухсторонних ограничений (2) и (3). Показатели желательности для отдельных компонентов при горении полиэтилена приведены на рис. 2.

Рис. 2. Показатели желательности диффузионных пламен полиэтилена с антипиренами и без антипиренов

В реакциях горения полиэтилена без использования антипиренов обобщенная функция желательности $D = 0,66$, что, согласно базовым величинам шкалы желательности, соответствует показателю «хорошее», а с введением в реакцию антипиренов обобщенная функция желательности $D = 0,80$, что соответствует показателю «хорошее — очень хорошее». Таким образом, использование методики оптимизации с применением показателей отклонения от экологической идеальности (желательности) позволило оптимизировать состав полимерных композиций, улучшив экологические характеристики процесса горения, и выбрать наилучшую доступную технологию с введением в реакцию антипиренов.

Практическая ценность предложенного критерия и показателей оценки экологической безопасности городской среды рассматривается на примере горения топлива, используемого при эксплуатации автотранспорта. Принимая эталоном с точки зрения экологической идеальности (по концентрации) водород [4], минимальное отклонение от идеальности по выбросам монооксида углерода наблюдаем у природного газа (рис. 3).

Соответственно, «наилучшей доступной технологией» с точки зрения введенного критерия экологической идеальности можно считать применение природного газа в качестве автомобильного топлива в городской среде.

В целях повышения уровня защищенности среды жизнедеятельности человека проведена оценка сжигания топлива в зависимости от двигателя автотранспорта по наиболее опасному веществу — бензапирену (табл. 3).

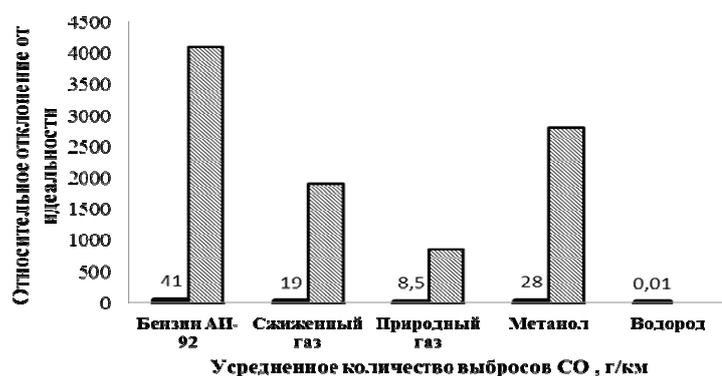

Рис. 3. Отклонение от экологической идеальности по выбросам CO

Таблица 3. Оценка экологической неидеальности процесса сжигания топлива в двигателях автотранспорта

Наименование параметра	Тип двигателя	
	Бензиновый	Дизельный
Фоновая концентрация бензапирена в воздухе промышленного центра, мг/м ³	$3,9 \cdot 10^{-6}$	$3,9 \cdot 10^{-6}$
Предельно допустимая концентрация, мг/м ³	10^{-4}	10^{-4}
Концентрация бензапирена в отработавших газах двигателей, мг/м ³	$25 \cdot 10^{-3}$	$10 \cdot 10^{-3}$
Предельно допустимая неидеальность	256	256
Относительное отклонение от экологической идеальности	6409	2563

Как показано в табл. 3, наилучшей доступной технологией (с учетом отклонения от экологической идеальности) можно считать сжигание топлива в дизельном двигателе, поскольку отклонение от экологической идеальности ближе к единице в процессе горения именно в дизельном двигателе.

Таким образом, совершенствование оценки экологической безопасности урбанизированных территорий предлагается на основе введенного критерия экологической идеальности, который может рассматриваться и как дополнительный критерий при выборе НДТ при строительстве и функционировании объектов городского хозяйства. Использование дополнительных показателей на основе данного критерия позволяет проводить сравнительную оценку различных технологических процессов с целью определения степени отклонения / близости к НДТ с наивысшим уровнем охраны окружающей среды. Введенные показатели могут быть внедрены в экологические системы контроля и мониторинга с целью повышения уровня защищенности среды жизнедеятельности человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. К построению модели биосферосовместимых городов / В. А. Ильичев, В. И. Колчунов, С. А. Воробьев, А. Л. Поздняков // Фундаментальные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2009 году: сб. науч. тр. РААСН: в 2 т. М.; Иваново: РААСН; ИГАСУ, 2010. Т. 2. С. 201—209.

2. Азаров В. Н., Донцова Т. В. Концепции биосферной совместимости и экологического следа и их роль в достижении экологически устойчивого развития урбанизированных территорий // Социология города. 2013. № 1. С. 39—45.

3. Об идеальных и реальных экологических процессах и их количественной оценке / А. Б. Голованчиков, Л. В. Курьлева, Т. А. Голованчикова, В. Л. Гончаренко // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. 2004. Вып. 8. С. 6—10.

4. Голованчиков А. Б., Курьлева Л. В., Каблов В. Ф. Оценка экологических процессов горения топлива // Поволжский экологический вестник Волгогр. отд. Рос. экологической академии (ВОРЭА). 2005. Вып. 11. С. 12—21.

5. Техногенное загрязнение атмосферного воздуха и его влияние на социально-экологическое благополучие городов-курортов Кавказских Минеральных Вод / В. Н. Азаров, П. А. Сидякин, Т. Н. Лопатина, Д. А. Николенко // Социология города. 2014. № 1. С. 28—37.

6. Каблов В. Ф., Агаянц И. М. Информационные технологии в разработке и в производстве эластомерных материалов: монография. Волгоград, 2009. 408 с.

REFERENCES

1. Il'ichev V. A., Kolchunov V. I., Vorob'ev S. A., Pozdnyakov A. L. To the Creation of the Model of Biospherically Compatible Cities. *Fundamental'nye issledovaniya RAASN po nauchnomu obespecheniyu razvitiya arkhitektury, gradostroitel'stva i stroitel'noi otrasli Rossiiskoi Federatsii v 2009 godu: sb. nauch. tr. RAASN: v 2 t.* [Proceedings of RAACS-2009]. Moscow — Ivanovo, RAACS Publ. — IGASU Publ, 2010. Vol. 2. Pp. 201—209. (In Russ.).

2. Azarov V. N., Dontsova T. V. Concept of biospheric compatibility and ecological footprint and their role in sustainable development of urban territories. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2013, no. 1, pp. 39—45. (In Russ.).

3. Golovanchikov A. B., Kuryleva L. V., Golovanchikova T. A., Goncharenko V. L. About Ideal and Real Ecological Processes and their Quantitative Assessment. *Problemy okruzhayushchei sredy i prirodnykh resursov* [Problems of Environment and Natural Resources], 2004, no. 8, pp. 6—10. (In Russ.).

4. Golovanchikov A. B., Kuryleva L. V., Kablov V. F. Assessment of Ecological Processes of Fuel Burning. *Povolzhskii ekologicheskii vestnik Volgogradskogo otdeleniya Rossiiskoi ekologicheskoi akademii (VOREA)* [Povolzhskiy Ecological Reporter of Volgograd Department of the Russian Ecological Academy (VDREA)], 2005, no. 11, pp. 12—21. (In Russ.).

5. Azarov V. N., Sidiyakin P. A., Lopatina T. N., Nikolenko D. A. Technogenic pollution of the atmosphere air and its influence on social and ecological wellbeing of the resort towns of the Caucasian Spas. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 1, pp. 28—37. (In Russ.).

6. Kablov V. F., Agayants I. M. *Informatsionnye tekhnologii v razrabotke i v proizvodstve elastomernykh materialov* [Information Technologies in the Development and Production of Elastomeric Materials]. Volgograd, 2009. 408 p. (In Russ.).

© Курьлева Л. В., Голованчиков А. Б., Каблов В. Ф., 2014

Поступила в редакцию в октябре 2014 г.

Ссылка для цитирования: Курьлева Л. В., Голованчиков А. Б., Каблов В. Ф. Оценка экологической безопасности урбанизированных территорий с учетом допороговых показателей // Социология города. 2014. № 4. С. 5—14.

For citation: Kuryleva L. V., Golovanchikov A. B., Kablov V. F. Evaluating ecological safety of urbanized areas with account for below-threshold values. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 4, pp. 5—14. (In Russ.).

УДК 316:346.32-053.6:371

*Б. С. Павлов***К ВОПРОСУ
О СОЦИАЛЬНО-ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ
АССИМИЛЯЦИИ
СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ
В УРАЛЬСКИХ ГОРОДАХ**

Рассматриваются актуальные проблемы миграции сельской молодежи в города в контексте социально-поселенческой ассимиляции, предполагающей сближение образа жизни различных больших и малых социальных групп, проживающих в различных типах поселений. Автор анализирует место и значение социального окружения в становлении поколенческой культуры молодых селян, формировании их ценностных ориентаций в сфере жизненного самоопределения. Сравнительно высокую идентичность селян и горожан в ценностных ориентациях он связывает, по преимуществу, с воздействием на молодежь единого в городе и селе информационно-идеологического поля, создаваемого Интернетом, телевидением, радио и другими СМИ.

Особое место уделяется анализу роли детского труда и трудового воспитания сельских и городских подростков в процессе формирования гражданских качеств, их профессиональной социализации в контексте гендерного фактора.

В статье проводится мысль, что успешное стратегическое социально-экономическое развитие (процветание) больших городов, особенно городов-миллионников, должно быть тесно увязано с их ответственностью за адекватное развитие малых городов и сельских поселений с целью воспроизводства и сбережения трудового потенциала сельскохозяйственного производства в регионе и достойного образа жизни всех акторов этого производства.

Размышления и выводы автора опираются на результаты ряда сравнительных социологических опросов городской и сельской молодежи, проведенных им в 2008–2014 гг. в Институте экономики УрО РАН в раз-

Исторически одним из механизмов поступательного развития общества является социально-поселенческая ассимиляция, предполагающая сближение образа жизни различных больших и малых социальных групп, проживающих в различных типах поселений. В широком смысле под понятием «ассимиляция» (от лат. *assimilatio* — уподобление, слияние, усвоение) понимается процесс, в ходе которого две или более группы, ранее различавшиеся внутренней организацией, ценностными ориентациями, культурой, создают новую общность, в которой происходит смена групповой самоидентификации, утрачивается ощущение своей самобытности, специфичности.

Наиболее рельефно имеющиеся социально-поселенческие различия в России отражены в понятии «село — город». Основные ассимиляционные изменения населения предопределяются, прежде всего, процессами, идущими в молодежной части социума, и проявляются в трансформации образа жизни поколений «отцов и детей». Эта трансформация может фиксироваться в изменениях структуры и характере формирующихся (сформированных) потребностей и ценностных ориентаций молодых людей по мере их взросления. Они отражаются в жизненных планах юношей и девушек, в выборе основных средств их достижения, в формах их повседневного поведения и поступках. А каковы особенности процесса социально-поселенческой ассимиляции молодежи на Урале?

В статье использованы материалы ряда комплексных региональных исследований по проблемам жизнедеятельности сельских и городских семей на Урале, их роли в подготовке детей к вступлению во взрослую жизнь. Социологические исследования проводились автором в 2008—2014 гг. в Институте экономики УрО РАН на базе ряда городов и сельских поселений Урала.

В частности, в 2008 г. — в 7 городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской и Челябинской областей по авторским анкетам опрошено пять категорий респондентов: а) учащиеся средних и старших классов городских школ (900 чел.); б) учащиеся средних и старших классов сельских школ (540 чел.); в) родители опрошенных учащихся городских школ (770 чел.) — «Урал-1».

личных городах и сельских поселениях ряда субъектов РФ, входящих в Уральский федеральный округ.

Ключевые слова:

город,
село,
семья,
молодежь,
социализация,
труд,
образование,
социально-поселенческая
ассимиляция,
ценностные ориентации,
образ жизни.

B. S. Pavlov

**TO THE ISSUE OF SOCIAL
AND SETTLEMENT
ASSIMILATION
OF RURAL YOUTH
IN URAL CITIES**

The article discusses the current problems of migration of rural youth to urban areas in the context of socio-settlement assimilation, implying convergence of lifestyle of different large and small social groups living in different types of settlements. The author analyzes the place and the importance of the social environment in the development of generational culture of young villagers, the formation of their value orientations in the sphere of self-determination. The author primarily connects comparatively high identity of the villagers and townspeople in value orientations with the impact on young people of the single in a town and in a village of the information and ideological field created by the Internet, TV, radio and other media.

Particular attention is given to the analysis of the role of child labor and labor education of rural and urban adolescents in the process of formation of civil qualities, their professional socialization in the context of gender.

The article expresses the idea that successful strategic social and economic development (prosperity) of big cities, especially of cities with a million population, must be closely linked with their responsibility for the adequate development of small towns and rural areas with the aim of reproduction and

В 2009 г. — опрос 680 студентов старших курсов технических и гуманитарных факультетов УГТУ-УПИ о причастности молодых людей к религиозной культуре — «Урал-2».

В феврале — марте 2013 г. был проведен социологический опрос 510 учащихся средних и старших классов 15 общеобразовательных школ Кировского района г. Екатеринбурга и 300 учащихся 9 школ ЗАТО «Лесной» Свердловской области, связанный с анализом процессов социализации и подготовки молодых горожан к будущей взрослой жизни (юноши — 46 %, девушки — 54 %) — «Урал-3».

Прежде всего отметим, что особенности сельского образа жизни (в отличие от городского) связаны с особенностями труда и быта жителей: подчиненностью их жизнедеятельности ритмам и циклам года; более тяжелыми, чем обычно в городе, условиями труда; малыми возможностями для трудовой мобильности селян; большой слитностью труда и быта, непреложностью и трудоемкостью труда в домашнем и подсобном хозяйствах. Так, работа на приусадебных участках, в саду, огороде занимает буквально полжизни селян — в среднем около 180 дней в году); набор занятий в свободное время сравнительно ограничен [1].

Свои традиционные особенности имеет и деревенская среда социализации детей. Следует учитывать, что в жизненном укладе сельских поселений сохранились элементы традиционной соседской общины. В них довольно стабильный состав жителей, слаба социально-профессиональная и культурная дифференциация, типичны тесные родственные и соседские связи. В какой мере эта сохраняющаяся традиционность сельского образа жизни детерминирует особенности процесса естественного воспроизводства непосредственной жизни, формирование материальных и духовных потребностей, ценностных ориентаций и жизненных планов молодых селян?

Юным респондентам в уральских городах и селах («Урал-1»), а также в большом городе — Екатеринбурге («Урал-3») был задан вопрос: «Ниже перечислены некоторые жизненные ценности, к которым может стремиться взрослый человек. Выберите пять самых важных для Вас» (табл. 1).

saving of labor potential of the agricultural production in the region and decent lifestyle of all actors of this production.

The author's reflections and conclusions are based on the results of a series of comparative sociological surveys of urban and rural youth, carried by him in 2008-2014 in the Institute of Economics of UB RAS in various cities and rural areas in a number of the subjects of the Russian Federation within the Urals Federal District.

Key words:

city,
village,
family,
youth,
socialization,
labor,
education,
social and settlement assimilation,
value orientations,
lifestyle.

Об авторе:

Павлов Борис Сергеевич –
доктор философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник,
Институт экономики
Уральского отделения Российской
академии наук.
Российская Федерация, 620014,
г. Екатеринбург, ул. Московская, 29,
pavlov_boris@mail.ru

Pavlov Boris Sergeevich –
Doctor of Philosophy, Professor,
Senior Research Associate,
the Institute of Economics,
the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences.
Russian Federation, 620014,
Ekaterinburg, Moskovskaya St., 29,
pavlov_boris@mail.ru

Таблица 1. Жизненные ценности, к которым, по мнению опрошенных, может стремиться молодой человек (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в 2008 г. – опрос 900 городских и 570 сельских подростков; в 2013 г. – опрос 510 подростков г. Екатеринбурга и 300 подростков ЗАТО «Лесной»)

Жизненные ценности, к которым следует стремиться	Группы учащихся			
	«Урал-1»		«Урал-3»	
	Город	Село	Екатеринбург	Лесной
Хорошая семья и дети	87	88	н.д.*	н.д.
Хорошие родители	н.д.	н.д.	57	62
Хорошее здоровье	68	70	72	78
Хорошие товарищи, верные друзья	66	54	81	77
Любимая работа, успешная деловая карьера	68	67	н.д.	н.д.
Возможность обучения в вузе на любимую профессию	н.д.	н.д.	68	69
Возможность самому зарабатывать деньги на собственные нужды	н.д.	н.д.	61	51
Материальное благополучие, экономическая независимость, самостоятельность	58	46	52	47
Хорошие жилищные условия	42	46	40	49
Сознание того, что приносишь пользу людям	23	25	31	30
Содержательный, интересный досуг	27	20	47	44
Порядочность, совестливость, доброе имя	23	23	30	33
Чувство безопасности от насилия, воровства	н.д.	н.д.	29	29
Вера в Бога	н.д.	н.д.	21	13

* «н.д.» обозначает, что этот пункт вопроса не был включен в анкету.

Прежде всего, не может не удивлять практическая идентичность в распределении ответов у юных горожан и селян в опросе 2008 г. Разница по раз-

личным позициям в пределах статистической погрешности. Подобную схожесть в ценностных ориентациях мы связываем, по преимуществу, с воздействием на молодежь единого в городе и селе информационно-идеологического поля, создаваемого Интернетом, телевидением и другими СМИ. Пятилетний лаг, прошедший между опросами «Урал-1» и «Урал-2», практически не изменил структуру ценностных ориентаций учащихся в сфере материального благосостояния, но несколько повысил претензии и ожидания молодых горожан в сфере духовной жизни («друзья», «досуг», «польза людям», «доброе имя») [2].

Семья была, есть и останется в будущем главным социальным институтом воспроизводства населения, обеспечивающим государственное строительство. Семья также была, есть и останется важнейшей составляющей в строительстве личности и жизненного пути каждого конкретного человека, каждой конкретной социальной группы. Именно институт родительской семьи, с его уникальными возможностями влияния на формирование личности ребенка, выступает основным средством ассимиляционных процессов в молодежной среде [3].

О «самочувствии» и отношении городских и сельских подростков к условиям своего бытия в родительской семье в какой-то мере можно судить по полученным нами результатам опроса «Урал-1». Ниже приведены тексты вопросов анкеты и ответы наших юных респондентов (% от общего числа опрошенных подростков; в числителе — в городе (900 чел.), в знаменателе — в селе (540 чел.)).

1. *«К какой категории по уровню жизни, достатку Вы относите себя, естественно, семью родителей в настоящее время?»*

Пока живем в полном достатке	45/52
Имеем средний достаток	52/45
Живем на грани бедности	2/2
Живем за чертой бедности	1/1
Затруднились ответить	0,6/0,7

2. *«Оцените, пожалуйста, как Вы питаетесь в родительской семье»:*

Отлично	58/64
Хорошо	32/30
Удовлетворительно	4/2
Неудовлетворительно	1/1
Случается по-разному: «То густо, то пусто»	2/1
Затруднились ответить	3/2

3. *«Оцените, дружная ли у Вас семья»:*

Да, очень дружная	57/60
Более-менее дружная	36/33
Не очень дружная	5/5
Совсем не дружная, каждый сам по себе	2/1
Затруднились ответить	0,3/1

Нетрудно видеть практически идентичное социально-экономическое «самочувствие» городских и сельских подростков в родительских семьях.

Социально-экономические «болезни», которые переживает сообщество в целом, не могут не сказываться на жизнедеятельности семей, составляющих это сообщество [4]. «Болеет» общество — «болеет» большинство семей, «болеет» и институт российской семьи, как в городе, так и в селе. Вот некоторые проявления этой «болезни».

«Самое воспитание, если оно желает счастья человеку, — писал К. Д. Ушинский, — должно воспитывать его не для счастья, а готовить к труду жизни... Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни... Воспитание не только должно развить разум человека и дать ему известный объем сведений, но должно зажечь в нем жажду серьезного труда, без которой жизнь его не может быть ни достойной, ни счастливой» [5, с. 155].

Попытаемся ответить на вопрос: в какой мере сегодня родительские семьи зажигают в детях жажду серьезного труда? Взрослая жизнь — это не только возрастной период, но и участие в труде, и выполнение семейных обязанностей. Однако без надлежащей подготовки к взрослой жизни, в том числе семейной, или же в том случае, если сформировавшиеся позиции или модели поведения молодежи не могут быть адаптированы к изменяющимся социальным условиям, период юности может стать временем утраченных возможностей и повышенного (с медицинской точки зрения) риска. На вопрос нашим респондентам — учащимся сельской местности («Урал-1») «*Умеете ли Вы выполнять (более или менее сносно) следующие работы?*» нами были получены ответы (табл. 2).

Таблица 2. Трудовые навыки уральских сельских подростков (% от общего числа опрошенных по каждой группе семей)

Виды работ, занятия	Юноши (село)	Виды работ, занятия	Девушки (село)
Пилить, колоть дрова	45	Варить борщи, супы	47
Косить траву	33	Стряпать пироги	40
Водить машину	33	Вышивать	39
Водить мотоцикл	29	Вязать варежки, носки	17
Стоговать сено, солому	14	Заготавливать соленья, варенья	17
Водить трактор	13	Шить платья, одежду	13
Плотничать	11	Доить корову	13
Запрягать лошадь	7	Выпекать хлеб	9

Хорошо это или плохо, что в России (в нашем случае, на Урале) 47 % современных 16—17-летних сельских девушек (заметим, в недалеком будущем — жен, матерей) умеют варить борщи, супы, 40 % — стряпать пироги, 17 % — заготавливать варенья, соленья? Да, скорее всего, хорошо для семей их родителей и для будущих их собственных семей. Но посмотрим на эти цифры с другой стороны. По самооценкам наших молодых респондентов-селянков, к 10—11-му классу 53 % от общего числа опрошенных не научились варить борщ, 60 % — стряпать пироги и 83 % не умеют заготавливать варенья, соленья. Заметим, что речь шла не о городских девушках, максимально приближенных к услугам общепита, а о селянках, приближенных к земле, к натуральному хозяйству.

Было бы неверным оценивать степень приобщенности детей в домашнем труду лишь с позиции их утилитарной готовности к самообслуживанию в сфере потребительской деятельности семейной группы. Трудовые навыки в том или ином виде домашнего труда, постоянная приобщенность к нему — это одновременно и свидетельство общей трудовой социализации ребенка (молодого человека), выработки у него не только таких общетрудовых качеств, как трудолюбие, целеустремленность, выносливость, ловкость, но и таких личностных качеств, как умение сочетать личные, групповые и общественные интересы, уважительное отношение к материальным ценностям, к труду, чувство ответственности за свое поведение, доброта, сочувствие, участие и т. д.

Как показал опрос «Урал-3», «не перерабатывают особо» в домашнем хозяйстве и городские подростки на Урале. На вопрос анкеты «*Какую работу по дому и саду ты выполняешь регулярно (более или менее постоянно)?*» ответы учащихся школ двух уральских городов распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных по каждому городу; в числителе — ответы респондентов из г. Екатеринбурга (510 чел.), в знаменателе — из ЗАТО «Лесной» (300 чел.):

а) выполнение работ в квартире:

- убираю пыль пылесосом	67/64
- мою, чищу посуду	65/66
- регулярно хожу в магазин за продуктами	49/51
- делаю влажную уборку, мою полы	46/46
- готовлю еду (суп, второе блюдо)	32/32
- глажу белье	27/28

б) выполнение работ в саду, в огороде:

- поливаю овощи, цветы, ягоды	51/39
- собираю «трудоемкие» ягоды (облепиху, смородину и др.)	37/33
- пропалываю грядки	33/26
- копаю землю, грядки	27/23
- топлю печь (в доме, в бане)	21/17
- отвечаю за приготовление еды	13/13

в) работы, которые выполняют или дома, или в саду:

- ухаживаю за домашней «живностью» (собакой, кошкой и др.)	59/55
- помогаю в ремонтных работах по дому, саду	35/36
- ухаживаю за младшими братьями, сестрами	32/33
- ухаживаю за пожилыми родственниками (бабушкой)	22/19
- ухаживаю за рассадой, цветами	17/15
- ухаживаю за автомобилем, мотоциклом	12/10

Своеобразный «сельский синдром» имеет свой антипод — «городской синдром», с менее ощутимым для человека, но социально столь же, и даже более, негативными чертами-симптомами. Прежде всего, речь идет о соблазнах тунеядства, провоцируемого реальными возможностями прожить в горо-

де (прежде всего, в крупном городе) месяцами и годами (в принципе, даже всю жизнь), не занимаясь никаким трудом. Это ведет к прямому моральному разложению если не родителей, то наверняка их детей. Свой «вклад» в отчуждение горожанина от трудовой активности вносит возможность бытового потребительства, т. е. полной ориентации во всех житейских мелочах только на сферу обслуживания. В результате появляются целые поколения инфантилов, не способных к элементарному самообслуживанию, с соответствующими сдвигами в психике [6].

Небезынтересен и такой факт. В опросе «Урал-3» в перечень жизненных ценностей дополнительно была включена позиция «Вера в Бога». Из 510 опрошенных молодых екатеринбуржцев эту ценность выбрали 105 респондентов (21 %); в ЗАТО «Лесной» — 13 % (см. табл. 1). Не углубляясь в анализ этого феномена, отметим, что в настоящее время религиозность (например, факт причисления себя к верующим в молодежной среде) часто имеет ситуативный характер, в ней проявляется скорее не устойчивая мировоззренческая позиция, а умонастроение, «элементы молодежной субкультуры», отличающиеся значительной подвижностью. Нередко люди называют себя православными или мусульманами, воспринимая эти религии как существенный элемент культурной традиции того народа, к которому они принадлежат.

Освоение сельской молодежью «основ» девиантной субкультуры городских сверстников — одна из значимых составляющих процесса социально-поселенческой ассимиляции населения [7]. В частности, небезынтересным представляется выявить нравственно-этические позиции молодых людей в сфере асоциальных проявлений и как они отражаются в социализационном процессе [8, 9]. Исследование «Урал-2» показало, что соотносительная разница ценностных ориентаций и нравственных оценок большинства асоциальных проявлений в различных социально-демографических группах весьма незначительна. Так, пьянство не считают грехом 57 % всех опрошенных студентов, в том числе 50 % — «православные». Небезынтересны и данные ответов на этот же вопрос двух групп студентов: мужчин и женщин. Аборт считают грехом 66 % мужчин-респондентов и 78 % женщин; гомосексуализм — соответственно 64 и 41 %; проституцию — 59 и 69 %; измену (жене/мужу) — 57 и 65 %; пьянство — 37 и 48 % и т. д. [10, 11].

И еще один важный для нашего анализа тезис. Сфера профессионального обучения, представленная в подавляющем большинстве своем вузами в крупных городах, — эта та социокультурная «кузница», через духовно-нравственное «горнило» и «наковальни» которой проходит подавляющее большинство будущих специалистов села. С дипломами в руках они несут культуру из города в село. С ними же идут и антиподы и изъяны городской цивилизации... Печально, но факт.

Обозначенная ситуация с социально-поселенческой ассимиляцией сельской молодежи в городах тесно сопряжена не только с решением социокультурных задач стратегического развития российского социума. Тот или иной поворот в их решении напрямую отражается на состоянии экономики, благосостоянии населения, в первую очередь на решении проблем с обеспечением продовольственной безопасности. Российскому обществу не столь отдаленной перспективы предстоит отвечать на вопросы: «Кто и как будет обраба-

тивать российскую землю-кормилицу?», «Кто и как будет выращивать скот и птицу для будущих шашлыков и гамбургеров?», «Как и чем заинтересовать (заметим, не заставить) сельского юношу или девушку пренебречь манящими огнями города и остаться жить и работать на малой родине своих отцов?» и, наконец, «Как и чем заинтересовать городскую молодежь в воспроизводстве привлекательных сторон сельского образа жизни?» Привлекательных не только с позиций обеспечения «сытного стола», но и в целях сохранения своего физического и нравственного здоровья, ведения здорового образа жизни в целом. Каково состояние этой проблемы на Урале?

Известно, что город всегда притягивал к себе население деревень, хуторов, небольших городов, сел, что обусловлено, в первую очередь: а) возможностью получить «престижное» и «денежное» образование; б) более широким выбором сфер приложения труда; в) более высоким уровнем благоустройства; г) набором коммунальных и культурных услуг; д) нежеланием заниматься тяжелым сельскохозяйственным трудом. Все это сформировало и воспроизводит основное направление миграционных потоков населения из сельских поселений — в городские, из малых городов — в большие и более крупные.

Давайте попытаемся ответить на вопрос: насколько совпадают интересы сельской родительской семьи и государства в формировании и реализации жизненных планов учащихся сельских школ? Подавляющая часть родителей стремится «выучить» и «поселить» своих детей в городе «подальше от села»... В свою очередь, государство (если отбросить красивые слова), испытывая острый дефицит рабочих рук в сельскохозяйственном производстве, заинтересовано, наоборот, «закрепить» жителей села (как самих родителей, так и их детей) по месту их рождения. Отсюда — возникновение и наличие «объективных» препятствий с переселением сельской молодежи в города: ограничения с пропиской, трудности с жильем, «неподъемные» расходы на обучение «городским профессиям» [12].

Появление платного высшего образования существенно деформировало совокупность тех факторов, которые определяют поступление выпускников сельских (и не только сельских) школ в вузы. При этом родительские деньги решают проблему преодоления конкурсного барьера, платы за обучение, содержания и досужих занятий детей-студентов в городе, вдали от родного крова. Получение диплома с городской профессией и пятилетний городской образ жизни выходцев из села (ощущение вкуса «красивой жизни») еще более актуализирует их стремление закрепиться в городе, приблизиться к тем социальным благам, которых сегодня нет (и неизвестно когда будут) на их сельской малой родине [13].

В основе такого стремления селян лежат их практически идентичные с городскими сверстниками материальные и особенно духовные потребности и интересы, о которых шла речь в начале статьи.

Сегодня нередко высказывается мнение о том, что решать проблему трудовых ресурсов российского села можно, во-первых, за счет привлечения трудовых мигрантов (в частности, из стран СНГ) и, во-вторых, за счет использования избытка трудовых ресурсов городов.

Не останавливаясь на анализе неприемлемости (по твердому убеждению автора) первого варианта решения проблемы (это и не входит в задачу нашей

статьи), ознакомим читателя с имеющимися у нас данными относительно второго варианта решения проблемы. Зададимся вопросом: стоит ли уральским селам ждать молодые кадры специалистов из города? В нашем исследовании «Урал-3» школьникам в двух уральских городах были предложены два вопроса, касающиеся их проективного выбора характера своей дальнейшей профессиональной деятельности. Первый: «На кого ты хотел бы учиться после школы? (Выбери не более пяти вариантов ответов)». Второй: «Какую профессию тебе советуют выбрать родители?». В анкете среди 40 профессий, из которых респондентам предлагалось выбрать «свою», были три «чисто сельские»: ветеринар, зоотехник и агроном. В числителе — ответы респондентов из г. Екатеринбурга (510 чел.), в знаменателе — из ЗАТО «Лесной» (300 чел.):

Сельские профессии	Выбрал сам	Совет родителей
Ветеринар	6,2/6,7	3,6 /4,6
Зоотехник	2,1/2,1	1,8/1,8
Агроном	1,1/1,8	0,3 (1 чел.) / 0,0

Нетрудно видеть, что особой «непопулярностью» среди родителей и их взрослеющих детей на Урале пользуется профессия агронома. Несколько большую ориентацию городских школьников на такую традиционно сельскую профессию, как зоотехник, мы связываем, прежде всего, с востребованностью этих специалистов в городе для лечения декоративных домашних животных, в первую очередь собак и кошек.

В стратегии инновационного развития села должны быть даны четкие ответы на вопросы: зачем и каким образом должна развиваться экономика сельскохозяйственного производства, сельский образ жизни в целом в настоящее время, чтобы реализовать видение, миссию и достичь желаемых целей в будущем? Инновационная стратегия как бы осуществляет видение долгосрочной перспективы, взгляд «из будущего в настоящее». Стратегия определяет «что изменить» и «как изменить». Ответы на эти вопросы дают возможность проектировать механизм инновационного развития села как системы [13—15].

Сущность инновационной стратегии развития села состоит не только (и не столько) в предвидении изменений его товарно-производственной деятельности, выработке решений, обеспечивающих гармоничное и устойчивое развитие этого жизненно важного воспроизводственного процесса. Стратегия должна «представить» желаемую трансформацию всех сфер общественной жизни сельского социума, его взаимосвязь с городом, городским образом жизни. «Важная задача, — отмечается в президентском послании Федеральному собранию (12 декабря 2013 г.), — повысить привлекательность сельских территорий для жизни и работы... На первый план выходит задача закрепления людей на селе, формирования современной, комфортной инфраструктуры в сельских территориях»¹.

И последнее. Как известно, в XX столетии появилось и получило распространение учение о ноосфере — оболочке Земли, формируемой разумом че-

¹ Ежегодное послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию 12 декабря 2013 г. URL: <http://www.rg.ru/2013/12/12/poslanie.html>.

ловека на основе биосферы (сферы жизни). В начале III тысячелетия внимание исследователей, изучающих глобальные проблемы современности, возросло в связи с необходимостью поиска путей выхода из глобальных кризисов. Сохранение мира живого, тех, кого С. Есенин очень точно обозначил как наших «меньших братьев», — это сегодня нравственный долг человечества, повинного в разрушительных последствиях своего воздействия на природную среду. Речь идет о патернализме человека над исчезающими видами животного и растительного мира [16].

Возьмем на себя смелость, по ассоциации, сравнить отношения крупных городов (в первую очередь городов-миллионников) и многочисленных мелких городов и сельских поселений как отношения «старших» с «младшими братьями» в развитии урбанистической культуры России. А итоги этих отношений не радуют. За последние десятилетия с карты РФ исчезли десятки тысяч сел, деревень, мелких городов. В «Красную книгу поселений» необходимо вносить еще тысячи ранее процветавших, а ныне стагнирующих городов, рабочих поселков, крупных поселений. Заметим, что процесс угасания одних поселений идет, в подавляющем большинстве, на фоне стремительного роста и благоустройства незначительного числа крупных и крупнейших городов. Как правило, это административные центры регионов. Примером тому может служить растущий и хорошеющий на глазах г. Екатеринбург на фоне большинства «худеющих» городов и сел Свердловской области [11, 17].

Не вдаваясь подробно в обозначенную проблему (это особое исследование), выскажем свое предложение относительно составления и реализации стратегических планов развития таких «успешных» городов. Нарращивая свою красоту, фешенебельность, силу и инвестиционную привлекательность, они («старшие урбанистические братья») не должны забывать о глубинных корнях-источниках такого всплеска развития [18]. Другими словами, речь идет о воссоздании своеобразного института «урбанистического патернализма», т. е. заботы и непреложной ответственности больших городов за социально-экономическое «здоровье» и достойное выживание окружающих их селитебных территорий. В народе есть поговорка: «Не руби сук, на котором сидишь»...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Хагуров А. А. Социология российского села. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2012. 390 с.
2. Павлов Б. С., Бондарева Л. Н. О проблемах воспроизводства сельского населения на Урале // Аграрный вестник Урала. 2013. № 12 (118). С. 90—94.
3. Pavlov B. S., Saraykin D. A. Adolescent Health in a Parental Family in the Urals // Facing an Unequal World: Challenges for Russian Sociology. Moscow, 2014. Pp. 418—423.
4. Bradbury J. The Policy Implications of Differing Concepts of Risk // Science, Technology & Human Values. 1989. Vol. 14. № 4. Pp. 380—399. doi: 10.1177/016224398901400404.
5. Ушинский К. Д. Избранные педагогические произведения. М.: Мысль, 1968. 557 с.
6. Павлов Б. С. Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей (на примере Урала) // ЭКО. 2013. № 7. С. 128—138.
7. Павлов Б. С. Над опасным «социальным Придоньем» (о девиантной субкультуре подростков) // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 69—80.

8. Вешнева С. А., Бударин Г. Ю., Сильницкая Е. Н. Риски наркотизации в среде городской молодежи // Социология города. 2012. № 2. С. 49—57.
9. Дашкова С. В. Молодежь в городской среде: деструктивное поведение и его проявления // Социология города. 2011. № 2. С. 30—37.
10. Павлов Б. С., Разикова Н. И., Подвысоцкий А. И. Верят ли в бога уральские студенты // Дискуссия. 2012. № 8(26). С. 104—110.
11. Самоохранительное поведение молодежи в социуме / Г. В. Талаллаева, В. В. Запарий, Б. С. Павлов, А. В. Шибин. Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2007. 66 с.
12. Tulbasieva S. K., Kyrykbayeva E. O. Theoretical and methodological foundations of education in distance learning system // 6th International Scientific and Practical Conference «Science and Society», London 23—24 March 2014. Pp. 49—52. URL: <http://morokoff.files.wordpress.com/2014/04/conf-papers-science-and-society.pdf>
13. Щенетков С. С. Выпускники вузов на рынке труда индустриального российского города // Социология города. 2013. № 3. С. 42—50.
14. Perrier-Cornet P.H. L'avenir des espaces ruraux francais: Dynamiques et prospective des espaces ruraux francais a l'horizon 2020 // Futuribles. 2004. № 299. P. 77—95.
15. Берсенева В. Л., Важенин С. Г., Павлов Б. С. Особые грани современной российской экономики и не только // Экономика региона. 2011. № 1. С. 264—267.
16. Татаркин А. И., Павлов Б. С., Берсенева В. Л. Академическая наука и население региона: опыт конкретного социологического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 36(251). С. 5—12.
17. Павлов Б. С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала). Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2014. 575 с.
18. Santalova M. S., Kosarev K. E. Quality of life in the region // The 6th International Scientific and Practical Conference «Science and Society», London, 23—24 March 2014. URL: <http://yadi.sk/d/jfZTg2bQM2gD2>. Pp. 121—135.

REFERENCES

1. Khagurov A. A. *Sotsiologiya Rossiiskogo sela* [Sociology of Russian village], 3rd edition. Moscow, 2012. 390 p. (In Russ.).
2. Pavlov B. S., Bondareva L. N. The problems of the rural population reproduction in the Urals. *Agrarnyi vestnik Urala* [Agrarian Bulletin of the Urals], 2013, no. 12 (118), pp. 90—94. (In Russ.).
3. Pavlov B. S., Saraykin D. A. Adolescent Health in a Parental Family in the Urals. *Facing an Unequal World: Challenges for Russian Sociology*. Moscow, 2014. Pp. 418—423.
4. Bradbury J. The Policy Implications of Differing Concepts of Risk. *Science, Technology & Human Values*, 1989, 14(4), pp. 380—399. doi: 10.1177/016224398901400404.
5. Ushinskii K. D. *Izbrannye pedagogicheskie proizvedeniya* [Chosen Pedagogical Works]. Moscow, Mysl', 1968. 557 p. (In Russ.).
6. Pavlov B. S. Consumption and Consumerism of the Youth in the “Interior” of Poverty of Parental Families (on the example of the Urals). *EKO*, 2013, no. 7, pp. 128—138.
7. Pavlov B. S. Over Dangerous “Social Don Region” (about deviant subculture of teenagers). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2013, no. 2, pp. 69—80. (In Russ.).
8. Veshneva S. A., Budarin G. Yu., Sil'nitskaya Ye. N. Risks of the narcotization in the environment of city youth. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2012, no. 2, pp. 49—57. (In Russ.).

9. Dashkova S. V. Youth in urban environment: disruptive behavior and its display. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2011, no. 2, pp. 30—37. (In Russ.).
10. Pavlov B. S., Razikova N. I., Podvysotckii A. I. Ural students believe in God or not. *Diskussiya* [Discussion], 2012, no. 8(26), pp. 104—110. (In Russ.).
11. Talallaeva G. V., Zaparii V. V., Pavlov B. S., Shibin A. V. *Samosokhranitel'noe povedenie molodezhi v sotsiume* [Self-saving Behaviour of the Youth in Society]. Ekaterinburg, JSC “Izdatelstvo UMTS UPI”, 2007. 66 p. (In Russ.).
12. Tulbasieva S. K., Kyrykbayeva E. O. Theoretical and methodological foundations of education in distance learning system. *6th International Scientific and Practical Conference «Science and Society»*, London, 23—24 March 2014. Pp. 49—52. URL: <http://morokoff.files.wordpress.com/2014/04/conf-papers-science-and-society.pdf> (In Russ.).
13. Shchepetkov S. S. Graduates in the labour market in an industrial Russian city. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2013, no. 3, pp. 42—50. (In Russ.).
14. Perrier-Cornet PH. L'avenir des espaces ruraux francais: Dynamiques et prospective des espaces ruraux francais a l'horizon 2020. *Futuribles*, 2004, no. 299, pp. 77—95.
15. Bersenev V. L., Vazhenin S. G., Pavlov B. S. Special Edges of Modern Russian Economy and More. *Ekonomika regiona* [Regional Economy], 2011, no. 1, pp. 264—267. (In Russ.).
16. Tatarin A. I., Pavlov B. S., Bersenev V. L. Academic Science and Population of the Region: Experience of Certain Sociological Research. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Chelyabinsk State University], 2011, no. 36(251), pp. 5—12. (In Russ.).
17. Pavlov B. S. *Vosproizvodstvo chelovecheskogo potentsiala v regione: teoreticheskie i metodicheskie aspekty sotsial'no-ekonomicheskogo analiza (na primere Urala)* [Reproduction of Human Potential in the Region: Theoretical and Methodical Aspects of the Social and Economic Analysis (on the example of Urals)]. Ekaterinburg, Institute of Economics of UB RAS, 2014. 575 p. (In Russ.).
18. Santalova M. S., Kosarev K. E. Quality of life in the region. *The 6th International Scientific and Practical Conference «Science and Society»*, London, 23—24 March 2014. URL: <http://yadi.sk/d/jfZTg2bQM2gD2>. Pp. 121—135.

© Павлов Б. С., 2014

Поступила в редакцию в октябре 2014 г.

Ссылка для цитирования: Павлов Б. С. К вопросу о социально-поселенческой ассимиляции сельской молодежи в уральских городах // Социология города. 2014. № 4. С. 15—26.

For citation: Pavlov B. S. To the issue of social and settlement assimilation of rural youth in Ural cities. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 4, pp. 15—26. (In Russ.).

УДК 796:371-044.3:331.7+316

*Е. Г. Вершинин,
В. В. Деларю***ПРЕСТИЖНОСТЬ ПРОФЕССИЙ
КАК РЕФЛЕКСИЯ ЦЕННОСТНЫХ
ОРИЕНТАЦИЙ
ПОДРОСТКОВ г. ВОЛГОГРАДА**

Результаты проведенного анкетирования в декабре 2013 г. репрезентативной выборки, состоящей из 2069 учащихся 7–10-х классов общеобразовательных школ города Волгограда, показали, что престижными для молодежи являются относительно новые для российского социума профессии (юрист, бизнесмен, экономист, госслужащий). При этом сохраняется наметившееся 10–15 лет назад снижение престижности ряда «традиционно уважаемых» профессий (учителя, инженера, ученого и, в наименьшей степени, врача). Однако главной неожиданностью исследования стал выход на первое место по престижности профессии спортсмена: в данном контексте ее выделила половина подростков (49,7%); причем чаще всего отмечали данную профессию в качестве престижной учащиеся как 7–8-х, так и 9–10-х классов. Далее рассматриваются причины этого (реальная возможность законным образом достичь до 20–25 лет успеха, постоянные публикации в самых различных средствах массовой информации о высоких доходах и интересном образе жизни известных спортсменов, подчеркнутое внимание государства к ним) и возможные риски для молодежи (в первую очередь неконтролируемый прием не только разрешенных, но и запрещенных препаратов).

Ключевые слова:

престижность профессий,
ценностные ориентации,
подростки,
спортивная деятельность,
анкетирование,
Волгоград.

*E. G. Vershinin,
V. V. Delaryu***OCCUPATIONAL PRESTIGE
AS REFLECTION OF THE YOUTH
VALUE SYSTEM IN VOLGOGRAD**

Введение. Ценностные ориентации молодежи являются одной из вечно актуальных тем, что нашло и находит отражение в практически необозримой тематической литературе по данной проблематике, касающейся самых различных ее аспектов (в том числе и влияния на построение текущих и последующих образовательных и профессиональных траекторий). При этом ситуация ценностно-нормативной неопределенности 1990-х гг. в России негативно сказалась на молодежи и во многом способствовала акценту исследователей на изучение ее склонности к девиантным проявлениям, в первую очередь алкоголизации и наркотизации [1–10]. В посвященной девиациям западной социологии активно развивается парадигма предотвращения влияния факторов риска на жизнедеятельность молодого человека (The risk factors prevention paradigm, RFPP), в основе которой лежит идея развития общественных и государственных механизмов для минимизации рисков с акцентом на разработках и реализации социальных технологий позитивного молодежного развития путем создания соответствующей микро- и макросреды [11–14]. В то же время в отечественной социологии, особенно конца 1990-х — начала 2000-х гг., преобладает констатирующий подход при рассмотрении девиантных проявлений и подчеркиваются хорошо понимаемые причины, способствующие разрушению позитивной среды для социального развития молодого поколения. Однако в последние годы в государственной политике все четче обозначается исходящий из понятия социализационной нормы механизм управляемой социализации молодежи, т. е. стремление к формированию у нее социально одобряемых выборов жизненных / профессиональных целей, а также стратегий их достижения с учетом как позитивных успехов Советского Союза, так и новых социально-политических и экономических реалий.

Цель исследования — выяснить престижность профессий у подростков города Волгограда в контексте их ценностных ориентаций.

Материалы и методы исследования. С учетом принятых в социологии медицины требований [15] была составлена анкета, с помощью которой в декабре 2013 г. было проведено анонимное анкетирование 2069 учащихся 7–10-х

The data obtained from the questionnaire of 2069 high school students (representative samplings of students from the 7th grades through high schools) conducted in Volgograd in December in 2013 showed that prestige professions for youth are new professions in Russia (businessmen, economists, public servants). The trend towards a decline in traditionally prestigious professions (teachers, engineers, scientists, doctors in some degree) has been observed over the past 10–15 years. Almost half of adolescents (49.7 %) both from 7–8 grades and 9–10 grades involved in the study of occupational prestige has considered the profession of a sportsman to be the most prestigious one. The reasons are the following – a real possibility to achieve success at the age of 20–25, mass media promotion of outstanding athletes' high income and life style, government support – and possible risks – first of all the use of nonofficial and official drugs -for youth are viewed in the article.

Key words:

occupational prestige,
value system,
youth,
sporting activities,
questionnaire,
Volgograd.

Об авторах:

Вершинин Евгений Геннадьевич – кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой медицинской реабилитации и спортивной медицины с курсом медицинской реабилитации, лечебной физкультуры, спортивной медицины, физиотерапии факультета усовершенствования врачей. Волгоградский государственный медицинский университет (ВолГМУ), Российская Федерация, 400131, г. Волгоград, пл. Павших Борцов, 1, werschinin_eugen@list.ru

Vershinin Evgenii Gennad'evich – Candidate of Medical Sciences, Docent, the Head of Medical Rehabilitation and Sports Medicine Department with the course of medical rehabilitation, exercise therapy, sports medicine, physical therapy of the Faculty of advancing of doctors, Volgograd State Medical University, Russian Federation, 400131, Volgograd, Square of Fallen Soldiers, 1, werschinin_eugen@list.ru

классов города Волгограда (выборки учащихся представляют собой сплошные выборки в школах, где проводилось анкетирование; средние учебные заведения отобраны по случайному принципу). Мальчиков было 935 человек (45,2 %), девочек — 1134 (54,8 %). Учащихся 7–8-х классов было 1098 человек (53,1 %); среди них мальчиков 488 (44,4 %), девочек — 610 (55,6 %). Учащихся 9–10-х классов было 971 человек (46,9 %); среди них мальчиков 447 (46,0 %), девочек — 524 (54,0 %).

Результаты исследований обрабатывались с использованием программных пакетов анализа статистических функций «Microsoft Excel» и статистического программного пакета «STATISTICA 5.0». Для оценки достоверности полученных результатов вычислялся критерий достоверности t по Стьюденту (достоверными считались результаты при $t \geq 2$).

Результаты и их обсуждение. Основной вопрос анкеты был посвящен тому, какие профессии респонденты считают наиболее престижными (всего было предложено 17 профессий, и можно было выбрать несколько). Чаще всего встречался ответ «спортсмен»: так ответила половина респондентов — 49,7 % (1030 подростков); причем чаще всего отмечали данную профессию в качестве престижной как учащиеся 7–8-х классов (49,2 %; 541 человек), так и учащиеся 9–10-х классов (50,3 %; 489 человек).

Что касается гендерного фактора, то представляется понятным, что профессия спортсмена была более престижной для мальчиков, чем для девочек: если среди первых ее выделили 57,4 %, то среди вторых — 43,5 % ($p > 0,01$). При этом обращает на себя внимание повышение престижности профессии спортсмена у девочек по мере их взросления: в младшей возрастной группе (7–8-е классы) ее считали таковой 41,8 %, а в старшей (9–10-е классы) — уже 45,4 %. В то же время мнения мальчиков в выделенных возрастных группах были практически одинаковыми (58,6 и 56,1 % соответственно). Можно предположить, что 15–16-летние девочки (т. е. ученицы 9–10-х классов) начинают больше обращать внимание на своих сверстников или более старших юношей, которые достигли определенных успехов в спортивной деятельности, и, соответственно, более

Деларю Владимир Владимирович —
кандидат медицинских наук,
доктор социологических наук,
профессор, профессор кафедры
общей и клинической психологии,
Волгоградский государственный
медицинский университет (ВолГМУ).
Российская Федерация,
400131, г. Волгоград,
пл. Павших Борцов, 1,
vvdnvd@gmail.com

Delaryu Vladimir Vladimirovich —
Candidate of Medical Sciences,
Doctor of Sociological Sciences,
Professor, Professor of General and Clinical
Psychology Department,
Volgograd State Medical University.
Russian Federation,
400131, Volgograd,
Square of Fallen Soldiers, 1,
vvdnvd@gmail.com

позитивными становятся оценки лиц мужского пола, которые занимаются ее.

В целом же первое место в ранговой иерархии профессии спортсмена подтверждает хорошо известный в отечественной социологии тезис о том, что ценности и установки, определяющие формирование профессионального выбора, в значительной мере передаются через поощрение и развитие внешкольной активности, ведь добившиеся спортивных успехов учащиеся имеют ряд официальных и неофициальных преимуществ перед своими одноклассниками, и эти преимущества нередко оказываются более значимыми, чем более высокие показатели в учебной деятельности (что фактически всеми учениками осознается и, как правило, не вызывает принципиальных возражений, причем не только с их стороны, но и со стороны их родителей).

Второе место по престижности у респондентов заняла профессия юриста: ее назвали 45,4 % (940 подростков), что также представляется понятным в контексте происшедших (и происходящих) в стране социально-экономических трансформаций. Оценки данной профессии в выделенных по возрастному и гендерному фактору группах были даны практически одинаковыми (в целом такое мнение высказали 43,4 % мальчиков и 47,1 % девочек; среди учеников 7—8-х классов — 46,7 % респондентов; среди учеников 9—10-х — 43,9 % опрошенных лиц).

На третье место по престижности вышла профессия врача — 39,7 % (823 подростка); чаще, как и можно было предполагать, ее выбирали девочки (47,1 против 30,9 % у мальчиков; $p > 0,001$). К сожалению, стоит отметить тенденцию к снижению престижности этой профессии по мере взросления респондентов, очевидно, вследствие возрастания критического отношения к ней вследствие постоянно исходящей из разных источников информации о неудовлетворительном материальном положении большинства врачей, в том числе и собственных оценок экономического и социального уровней своей семьи (если родитель / родители по профессии врачи) или знакомых им семей, члены которых работают в медицине. Так, если среди учеников 7—8-х классов профессию врача счита-

ли престижной 41,8 % опрошенных лиц, то среди учеников 9—10-х классов — 37,4 % респондентов; данная тенденция была отмечена как у мальчиков (с 32,1 до 29,5%), так и у девочек (с 49,5 до 44,3 %).

Последующие места в списке престижности заняли «модные» в последние 10—15 лет профессии бизнесмена (36,3 %, 753 человек), экономиста (30,1 %, 622 человека) и госслужащего (29,4 %, 610 человек).

Распределение оценок престижности профессии бизнесмена в выделенных по возрастному и гендерному фактору группах были фактически идентичными: соответствующей позиции придерживались 37,2 % мальчиков и 35,7 % девочек; среди учеников 7—8-х классов — 35,6 % респондентов; среди учеников 9—10-х — 37,2 %. Подобная ситуация — отсутствие влияния выделенных (возрастного и гендерного) факторов — уже встречалась и при другой «модной» профессии (юриста).

На уровне статистической погрешности было влияние возрастного и гендерного факторов и относительно профессии экономиста: престижной она была для 31,2 % мальчиков и 29,1 % девочек, для 28,8 % учащихся 7—8-х классов и 31,4 % учащихся 9—10-х классов.

Однако под углом влияния рассматриваемых факторов наибольшего внимания заслуживает отношение к профессии госслужащего. В целом мальчики и девочки практически одинаково часто считали ее престижной — 30,1 и 29,0 % опрошенных учащихся соответственно. Но если среди учеников 7—8-х классов такой позиции придерживались 24,0 % респондентов, то среди более старших учащихся — в 1,5 раза больше (35,6 %; $p < 0,001$). Очевидно, что с возрастом (пусть даже за 2—3 года) оценки данной профессии приобретают все более прагматичный характер. Иначе говоря, для подростков она все больше отождествляется с высоким социальным статусом, включающим властные возможности, материальное благополучие и всевозможные льготы (при объективной невозможности конкретизировать специфику данной профессии).

При этом необходимо отметить, что гораздо в большей степени престижность профессии госслужащего возрастает не у мальчиков, а у девочек: если среди мальчиков — учеников 7—8-х классов таковой ее считали 26,8 % респондентов, а среди учеников 9—10-х классов — 33,6 % опрошенных лиц, то среди девочек — 21,8 и 37,4 % соответственно. Можно предположить, что прагматизм особенно нарастает у девочек 15—16 лет, которые все больше задумываются не только о своей собственной карьере, но и профессии своего потенциального будущего избранника. Однако вопрос о влиянии возрастного и гендерного фактора на выбор профессии госслужащего заслуживает отдельного специального рассмотрения, которое невозможно в рамках данной работы.

Далее с большим отрывом от этих трех профессий (бизнесмена, экономиста и госслужащего) шла профессия учителя — 21,3 % (441 человек) с выраженным влиянием гендерного фактора на ее привлекательность: девочки выбирали ее в два раза чаще, чем мальчики (28,3 и 12,7 % респондентов соответственно; $p > 0,001$).

Замкнули первую десятку профессии программиста (19,2 %, 399 человек), военного (16,7 %, 345 человек) и инженера (13,2 %, 275 респондентов). Профессию ученого посчитали престижной 13,8 %; журналиста и артиста —

по 12,5 %. Ранжирование данных профессий подростками представляется достаточно интересным. В частности, профессия программиста является новой и достаточно «модной», в различных средствах массовой информации публикуется много материалов о востребованности и хороших заработках специалистов (многие из которых успешно работают за рубежом), т. е. можно было предполагать ее большую престижность (тем более что речь в анкетировании шла не о потенциальных или реальных планах работы по данной специальности, а об оценке ее престижности).

Кроме этого, можно предполагать и большую престижность данной профессии у подростков мужского пола, однако влияния гендерного фактора не было выявлено (престижными ее посчитали 20,4 % мальчиков и 18,3 % девочек). В оценках престижности профессий артиста и журналиста гендерный фактор проявился четко ($p > 0,001$): девочки считали их престижными в 3,5—4 раза чаще, чем мальчики. Но более важным представляется другое. Представители данных профессий являются едва ли не главными героями средств массовой информации, особенно крайне популярных среди молодежи «глянцевых» изданий, однако респонденты достаточно скептически отнеслись к престижности данных профессий.

Как можно было, к сожалению, предполагать, единичными в ценностных ориентациях были профессии строителя (2,8 %) и рабочего (0,4 %), причем профессию фермера в данном контексте выбрало в 5 раз большее количество учащихся, чем профессию рабочего (1,9 и 0,4 % соответственно), а анкетирование проводилось в крупном промышленном городе с миллионным населением, где фермерский труд отсутствует.

Следует отметить, что анализ полученных результатов позволяет констатировать ограниченность известного тезиса о планировании профессиональных траекторий и формировании социального статуса на основе созданной предыдущими поколениями семьи образовательной / экономической / ментальной базы выбора профессии и ранней профессиональной карьеры. Ведь, согласно данным анкетирования, для определенных профессий (преимущественно «традиционно уважаемых» — учитель, инженер, ученый, врач) он в той или иной мере справедлив, но для других (преимущественно ставших «модными» в последние 15—20 лет — госслужащий, юрист, бизнесмен, экономист) достаточно спорен (хотя бы вследствие совершенно другой распространенности династий юристов, госслужащих и экономистов относительно династий врачей, учителей и инженеров; о династиях же «официальных» бизнесменов речь вообще не может идти).

Все выбранные респондентами профессии, по сути, предполагают наличие высшего образования. Однако вряд ли можно говорить о наличии установки именно на получение высшего образования как свидетельства высокого уровня знаний и готовности к выполнению сложных профессиональных задач, особенно учитывая, что 1990-е годы существенно снизили его престижность, когда фактически стали взаимосвязанными понятия «бюджетник» (врач, учитель, инженер, служащий), «высшее образование» и «нищенское существование» и, соответственно, высшее образование перестало быть синонимом высокого социального положения его обладателя. Более важную роль играет сертифицированный (или институционализированный) культурный капитал, т. е. владение дипломом о высшем образовании, тем более что в

настоящее время получение диплома о высшем образовании благодаря различным заочным, дистанционным и другим «инновационным» формам обучения, особенно в негосударственных вузах, зависит, главным образом, от оплаты обучения, а не от уровня знаний. Работодатели часто также не интересуются полученными в процессе обучения оценками, причем нередко для них главное — само наличие диплома, а специальность, которая в нем указана, принципиального значения не имеет. Соответственно, диплом является ценным фактором и при формирующемся в обществе более позитивном отношении к сменам места работы и векторов профессиональной карьеры.

Влияние гендерного фактора четко прослеживалось в оценках одних профессий (врач, учитель, инженер, военный, артист, журналист) и отсутствовало в других. Однако, следует отметить, что направленность проведенного исследования не позволяет интерпретировать в континууме «хорошо — плохо» наличие (или отсутствие) влияния данного фактора, поскольку более значимыми являются многочисленные сопряженные (и не сопряженные) характеристики (личностные особенности, включая представления о традиционных «мужских» и «женских» профессиях, мнение родителей, отношение к карьерному росту и последующей семейной жизни и другие).

Результаты проведенного исследования показали, что престижными для молодежи являются относительно новые для российского социума профессии (юрист, бизнесмен, экономист, госслужащий), однако они не доминируют в ценностных ориентациях подростков. Скорее всего, несмотря на всю их заманчивость, приходит понимание, что в современном российском обществе представители данных профессий не востребованы в таком большом количестве и само по себе наличие этой профессии не является гарантом социального, включая экономического, благополучия.

С другой стороны, сохраняется наметившееся 10—15 лет назад снижение престижности ряда «традиционно уважаемых» профессий (учителя, инженера, ученого и, в наименьшей степени, врача). Очевидно, что в результате происшедших в стране быстрых социальных изменений и социальной трансформации общества многое из накопленного поколениями (прежде всего родителями) в плане желаемой профессиональной деятельности в той или иной мере снизило свое значение, и говорить даже о начале возвращения престижности этих профессий (возрастания значимости профессиональных статусов задействованных в них лиц) представляется преждевременным.

В то же время общество объективно испытывает серьезный недостаток в квалифицированных инженерах и ученых. Особенно вызывает тревогу невысокая престижность профессии инженера: представители данной профессии в настоящее время очень востребованы, что, в том числе, выражается и в достаточно высоких зарплатах значительной части инженерно-технических работников, занятых в производствах различных форм собственности. Ситуацию с инженерами (объективная необходимость развития производственной сферы при катастрофической нехватке кадров) более чем наглядно демонстрируют ценностные ориентации подростков относительно рабочих профессий. При всей востребованности строителей и рабочих («хороших и разных», хотя, в первую очередь, естественно, квалифицированных, с высокой оплатой трудовой деятельности) их престижность крайне низка.

Данные противоречия необходимо учитывать при организации профориентационной работы с учащимися различных учебных заведений, по крайней мере на региональном уровне. Фактически речь идет о необходимости формирования соответствующей молодежной политики, адресно ориентированной и учитывающей социально-психологические особенности подросткового возраста в конкретных российских реалиях трансформирующегося общества. Естественно, что если опрошенные считают престижными такие-то профессии, то это совершенно не означает, что они обязательно приобретут соответствующие специальности и будут по ним работать. Однако «общая характеристика» ценностных ориентаций относительно предполагаемой последующей профессиональной деятельности имеется, и она, безусловно, должна учитываться.

Однако главной неожиданностью проведенного исследования представляется выход на первое место по престижности (в иерархии профессиональных статусов) профессии спортсмена, что подтверждается и ответами респондентов на ряд других вопросов анкеты. В частности, то, что «быть профессиональным спортсменом — это престижно» считали 83,8 % опрошенных учащихся, сомневались 8,3 % респондентов, отрицали всего 3,5 % (остальные 4,3 % затруднились ответить на этот вопрос). Одной из причин высокой престижности профессии спортсмена является то, что, по мнению 73,8 % подростков, «спорт — это одна из немногих реальных возможностей законным образом достичь до 20—25 лет успеха (получить общественное признание, хорошо зарабатывать, обеспечить себе хорошее будущее и т. д.)»; сомневались в данном положении 13,2 % опрошенных лиц, отрицали 6,9 % учащихся и затруднились ответить 6,0 % учеников. Действительно, успешность «врача», «учителя», «ученого» предполагает не только годы учебы, но и, как минимум, 10—15 лет напряженной работы по специальности (т. е. успех придет не ранее 35—40 лет), в то время как признание в спорте может прийти уже в 15—17 лет или даже раньше.

Также необходимо учитывать, что в самых различных средствах массовой информации существенное внимание уделяется информации о спортсменах, преимущественно касающейся их высоких (или очень высоких) доходов, интересного образа жизни, последующего хорошего трудоустройства в жизни и тому подобного, тем более что само государство подчеркивает престижность достижений в области спорте.

В частности, руководители страны регулярно встречаются со спортсменами, добившимися высоких результатов в различных видах спорта, и эти встречи широко освещаются в СМИ (например, традиционные встречи В. В. Путина и Д. А. Медведева с победителями и призерами Олимпийских игр, победителями чемпионатов мира); закончившие свою карьеру известные спортсмены широко привлекаются к политической деятельности для повышения авторитета и привлекательности партий, в первую очередь «Единой России», получая почетные должности (А. А. Карелин, Н. С. Валуев, А. М. Кабаева, С. В. Хоркина, А. Т. Сихарулидзе и другие).

Развитие современного спорта сопровождается высокой конкуренцией на национальных и мировых аренах и, соответственно, резким возрастанием объема и интенсивности тренировочных нагрузок, что предполагает максимальную мобилизацию физиологических возможностей организма человека,

тем более в юном возрасте. Высокие спортивные достижения в любом виде спорта сопровождаются предельными нагрузками, как в тренировочном, так и в соревновательном периоде. И если тренировочный процесс, интенсивность нагрузок не соответствуют возрастным, индивидуальным особенностям спортсмена, уровню подготовленности, при наличии предрасполагающих факторов неизбежно возникают признаки переутомления, перетренированности, сопровождающиеся снижением спортивных результатов, психомоторной, физической работоспособности, изменением функционального состояния, снижением уровня здоровья спортсмена. Потенцирование и восстановление оптимального уровня функционирования после тренировочных и соревновательных нагрузок наряду с развитием специальных качеств (в зависимости от спортивной специализации) является неотъемлемой частью подготовки высококвалифицированных спортсменов, включающей и медикаментозное сопровождение, наиболее частым проявлением которого является регулярный прием различных витаминно-минеральных комплексов [16].

Необходимо отметить, что высокая престижность спортивной деятельности в ценностных ориентациях молодежи нуждается в дальнейших исследованиях, тем более что она сопряжена с многочисленными рисками не только получения различных травм, но и, например, как начинает показываться в специальной литературе [14, 17], неконтролируемого приема витаминов, витаминизированных смесей, различных биологически активных добавок, а также «запрещенных» препаратов для восстановления и повышения уровня функционирования органов и систем организма после тренировочных и соревновательных нагрузок, стимуляции эффективности всех физиологических механизмов для создания и поддержания специальных навыков и возможностей, тем более что современный уровень развития науки в целом, спортивных и медицинских отраслей в частности, наглядно демонстрирует эффективность медикаментозного сопровождения спортсменов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреева Ю. В., Лаврентьев О. Э. Риски социализации девочек-подростков в крупном промышленном городе // Социология города. 2011. № 1. С. 22—27.
2. Бакланова О. А., Бакланов И. С. Исследование социальности как методологическая проблема социального познания // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 176—180.
3. Бондаренко Н. Г. Типология ценностей в социальной динамике современности // Современная наука и инновации. 2013. № 1. С. 79—83.
4. Вешнева С. А., Бударин Г. Ю., Сильницкая Е. Н. Риски наркотизации в среде городской молодежи // Социология города. 2012. № 2. С. 49—57.
5. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: Институт социологии РАН, 2010. 592 с.
6. Дашкова С. В. Молодежь в городской среде: деструктивное поведение и его проявления // Социология города. 2011. № 2. С. 30—37.
7. Деларю В. В. Вопросы психиатрии, наркологии и неврологии в диссертационных исследованиях по социологии медицины // Обзорные психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 2013. № 3. С. 78—80.
8. Навроцкий Б. А., Деларю В. В. Проблемы биоэтики в социологических исследованиях городской тематики // Биоэтика. 2014. № 1. С. 31—33.

9. Новикова Е. Н. Влияние городской среды на добрачное поведение молодежи // Социология города. 2011. № 2. С. 16—22.
10. Шереги Ф. Э., Арефьев А. Л. Наркотизация в молодежной сфере: структура, тенденции, профилактика. М.: Генжер, 2003. 396 с.
11. Arnett J., Kurtines W., Montgomery M. Promoting Positive Youth Development: The Miami Youth Development Project (YDP) // Journal of Adolescent Research. 2008. № 23. Pp. 256—267.
12. Case S. Young People «At Risk» of What? Challenging Risk-focused Early Intervention as Crime Prevention // Youth Justice. 2006. № 6(3). Pp. 171—179. doi: 10.1177/1473225406069491.
13. Gray P. The Politics of Risk and Young Offenders Experiences of Social Exclusion and Restorative Justice // The British Journal of Criminology. 2005. № 45(6). Pp. 938—957. doi: 10.1093/bjc/azi018.
14. Verшинин E. G. The risks associated with medication use in sport // Образование и наука без границ-2013 = Wykształcenie i nauka bez granic-2013 : Материалы IX международной науч.-практ. конф. 2013. С. 98—99.
15. Деларю В. В. Конкретные социологические исследования в медицине. Волгоград: ВолГМУ, 2005. 88 с.
16. Вершинин Е. Г. Проблематика медикаментозного сопровождения спортсменов // Волгоградский научно-медицинский журнал. 2014. № 1. С. 13—15.
17. Вершинин Е. Г., Воронков А. В. Расширение медикализации спорта как социальное явление подготовки спортсмена // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. URL: www.science-education.ru/104-6655 (дата обращения: 18.11.2014).

REFERENCES

1. Andreeva Yu. V., Lavrent'ev O. E. Socialisation risks of immature girls in a large industrial city. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2011, no. 1, pp. 22—27. (In Russ.).
2. Baklanova O. A., Baklanov I. S. Research of Sociality as Methodological Problem of Social Cognition. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Humanities and Social Sciences], 2014, no. 2, pp. 176—180. (In Russ.).
3. Bondarenko N. G. Typology of values in social dynamics of modernity. *Sovremennaya nauka i innovatsii* [Modern Science and Innovations], 2013, no. 1, pp. 79—83. (In Russ.).
4. Veshneva S. A., Budarin G. Yu., Sil'nitskaya Ye. N. Risks of the narcotization in the environment of city youth. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2012, no. 2, pp. 49—57. (In Russ.).
5. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret* [The Youth of Russia: Sociological Portrait]. Moscow, Institute of Sociology of RAS, 2010. 592 p. (In Russ.).
6. Dashkova S. V. Youth in urban environment: disruptive behavior and its display. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2011, no. 2, pp. 30—37. (In Russ.).
7. Delaru V. V. The problems of psychiatry, narcology and neurology in the dissertations in sociology of medicine. *Obozrenie psikiatrii i meditsinskoi psikhologii im. V. M. Bekhtereva* [V. M. Bekhterev review of psychiatry and medical psychology], 2013, no. 3, pp. 78—80. (In Russ.).
8. Navrotskii B. A., Delarue V. V. Problems of bioethics in sociology city themes. *Bioetika* [Bioethics], 2014, no. 1, pp. 31—33. (In Russ.).
9. Novikova Ye. N. Urban environment influence on antenuptial behavior of youth. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2011, no. 2, pp. 16—22. (In Russ.).

10. Sheregi F. E., Aref'ev A. L. *Narkotizatsiya v molodezhnoi sfere: struktura, tendentsii, profilaktika* [Drug Addiction among Young People: Structure, Tendencies, Prevention]. Moscow, Genzher, 2003. 396 p. (In Russ.).
11. Arnett J., Kurtines W., Montgomery M. Promoting Positive Youth Development: The Miami Youth Development Project (YDP). *Journal of Adolescent Research*, 2008, no. 23, pp. 256—267.
12. Case S. Young People «At Risk» of What? Challenging Risk-focused Early Intervention as Crime Prevention. *Youth Justice*, 2006, 6(3), pp. 171—179. doi: 10.1177/1473225406069491.
13. Gray P. The Politics of Risk and Young Offenders Experiences of Social Exclusion and Restorative Justice. *The British Journal of Criminology*, 2005, no. 45(6), pp. 938—957. doi: 10.1093/bjc/azi018.
14. Vershinin E. G. The risks associated with medication use in sport. *Obrazovanie i nauka bez granits-2013 = Wykształcenie i nauka bez granic-2013*. Proc. IX Int. Konf. 2013. Pp. 98—99.
15. Delaryu V. V. *Konkretnye sotsiologicheskie issledovaniya v meditsine* [Certain Sociological Researches in Medicine]. Volgograd, VolgSMU Publ., 2055. 88 p. (In Russ.).
16. Vershinin E. G. Problems of Medicated Support of Sportsmen. *Volgogradskii nauchno-meditsinskii zhurnal* [Volgograd Scientific Medical Journal], 2014, no. 1, pp. 13—15. (In Russ.).
17. Vershinin E. G., Voronkov A. V. Expansion of sports medicalisation as a social phenomenon in sportsmen preparation. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2012, no. 4. URL: www.science-education.ru/104-6655 (In Russ.).

© Вершинин Е. Г., Деларю В. В., 2014

Поступила в редакцию в октябре 2014 г.

Ссылка для цитирования: Вершинин Е. Г., Деларю В. В. Престижность профессий как рефлексия ценностных ориентаций подростков г. Волгограда // Социология города. 2014. № 4. С. 27—36.

For citation: Vershinin E. G., Delaryu V. V. Occupational prestige as reflection of the youth value system in Volgograd. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 4, pp. 27—36. (In Russ.).

УДК 618.39:316.346.2-055.2

*Д. А. Кураков
А. С. Бондаренко
А. А. Шестаков*

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ
ОТНОШЕНИЯ К АБОРТАМ
ЖИТЕЛЬНИЦ КРУПНОГО
ПРОМЫШЛЕННОГО ГОРОДА**

Прирост рождаемости и сокращение числа аборт — основные тенденции в воспроизводстве населения крупных российских городов в последние несколько лет. Но, по мнению авторов статьи, существуют типичные для городской среды условия, которые не позволяют снизить количество прерываемых беременностей до желаемого уровня. Повлияют ли эти условия на женщину, которая решает вопрос о рождении/нерождении ребенка, или нет, зависит от ее личных установок в отношении абортов. Проведенное социологическое исследование в трех крупных городах юга России позволило создать социальный профиль горожанки фертильного возраста в контексте ее отношения к прерыванию беременности.

Ключевые слова:

городские жительницы, прерывание беременности, информированность, запрет абортов, контрацепция, группа риска.

*D. A. Kurakov,
A. S. Bondarenko,
A. A. Shestakov*

**SOCIAL PROFILE
OF ATTITUDE TO ABORTION
OF RESIDENTS OF A LARGE
INDUSTRIAL CITY**

Increase of fertility and reduce of the number of abortions have been the main trends in the reproduction of the population in many large cities over the last few years. But, according to the authors, there are typical conditions of the urban environment that will not allow reduce the number of terminated pregnancies up to the desired level. Whether these conditions will influence

Тенденцией последних лет является рост численности населения в крупных городах, но происходит он, в основном, за счет приезжих и мигрантов, а не за счет роста рождаемости [1, 2]. Благодаря принятым государством мерам (материнский капитал, родовые сертификаты, социальная поддержка многодетных семей и т. п.) уровень рождаемости в нашей стране удалось повысить, но рост населения в крупных городах и мегаполисах все равно происходит благодаря не новорожденным их жителям, а приезжим взрослым людям. В результате статус коренного населения снижается. Поэтому проблема повышения уровня рождаемости остро стоит в каждом крупном городе. Одним из путей ее решения является формирование у городских жительниц установок на рождение детей и, следовательно, неприятие такой меры, как прерывание беременности [3, 4].

За последние годы, благодаря развитию рынка противозачаточных средств, число абортов в крупных городах сократилось, но не настолько, чтобы не представлять собой социальную проблему [5]. В крупных городах существуют необходимые и достаточные условия для поддержания определенного уровня количества абортов. К ним относятся:

1) наличие высокотехнологичной медицинской помощи, включая современные методы прерывания беременности и квалифицированных специалистов [6]. Это порождает у городских женщин уверенность в том, что они быстро и безболезненно могут прервать нежелательную беременность;

2) специфика коммуникаций в крупных городах связана с ускоренным ритмом жизни, при котором решение возникших проблем «вытесняет» профилактическую составляющую: зачастую женщины просто забывают о превентивных мерах предохранения от беременности;

3) в крупных городах достаточно велико количество внебрачных связей, что повышает риск нежелательной беременности.

Учитывая вышесказанное, мы провели анкетирование женщин фертильного возраста в трех сопоставимых по демографическому и социально-экономическому статусу городах юга России. Социологическое исследование проводилось в июле 2014 г. в Волгограде, Ростове-на-Дону и

the woman who decides on the birth/not-birth of child or not, it depends on their personal attitudes towards abortion. Sociological research is conducted in three major cities in the South of Russia and it has allowed to create a social profile of a lady of childbearing age in the context of her attitude to abortion.

Key words:

urban women, abortion, awareness, ban of abortion, contraception, risk group.

Об авторах:

Кураков Дмитрий Александрович – начальник Отдела демографической политики Министерства здравоохранения Волгоградской области. Российская Федерация, 400001, г. Волгоград, ул. Рабоче-Крестьянская, 16, dkur@volganet.ru

Kurakov Dmitrii Aleksandrovich – Head of the Department on Demographic Policy of the Ministry of Healthcare in Volgograd Oblast. Russian Federation, 400001, Volgograd, Raboche-Krestyanskaya St., 16, dkur@volganet.ru

Бондаренко Анна Сергеевна – зам. главного врача по поликлинической работе, Городская больница № 1 г. Сочи. Российская Федерация, 354000, г. Сочи, ул. Конституции, 24, nanised@mail.ru

Bondarenko Anna Sergeevna – Deputy Chief Doctor in ambulatory work, Municipal Hospital #1. Russian Federation, 354000, Sochi, Konstitutsii St., 24, nanised@mail.ru

Шестаков Александр Анатольевич – врач акушер-гинеколог, Родильный дом № 2, Ростов-на-Дону, shestakov-med@mail.ru

Shestakov Aleksandr Anatol'evich – Obstetrics and Gynecology Doctor, Maternity Hospital #2, Rostov-on-Don, shestakov-med@mail.ru

Краснодаре в рамках Всероссийской акции «Подари мне жизнь» с целью изучения отношения женщин к абортam. Анкетирование проводилось специалистами кабинетов медицинской профилактики, другими медицинскими работниками учреждений здравоохранения этих городов, имеющими в структуре гинекологические отделения, центры планирования семьи, а также женских консультаций, роддомов и перинатальных центров, всего 62 учреждения здравоохранения. Опрос проводился в один день во всех указанных учреждениях среди респонденток на амбулаторном приеме или в стационаре. Подлежали опросу женщины старше 18 лет, постоянно проживающие на данной территории, получатели медицинской помощи, анкетирование медицинских работников не допускалось. Статистическая обработка проводилась с помощью пакетов прикладных программ Microsoft Office Excel. Величина статистической погрешности не превышает допустимую и не может существенно влиять на достоверность проведенного социологического исследования. Поскольку расхождение в данных по трем городам отмечено в рамках погрешности (от –0,5 до 0,7), было целесообразно представить результаты на массиве общей выборки, объем которой составил 1763 человека.

Результаты статистической обработки анкет в данной статье представлены в виде таблиц, дающих возможность количественной и качественной характеристики выборочной совокупности и анализа данных.

Таблица 1. Распределение респондентов по возрасту

Возрастная группа, лет	Число респондентов, чел.	Распределение, %
От 18 до 25	430	24,4
От 26 до 35	628	35,6
От 36 до 45	436	24,7
От 46 до 60	203	11,5
От 60 и старше	66	3,7
Всего	1763	100

Распределение респондентов по возрастным группам неравномерное. Самое большое количество, каждая третья опрошенная, — женщина в возрасте от 26 до 35 лет, каждая четвертая — от

18 до 25 и от 36 до 45 лет, десятая — от 46 до 60 лет. Количество респондентов пожилого возраста «от 60 и старше» незначительно. Таким образом, 60 % респондентов составляли женщины репродуктивного возраста.

Таблица 2. Отношение респондентов к проблеме абортов в России

Отношение к абортam	Число респондентов, чел.	Распределение, %
Запретить	171	9,7
Разрешить только по медицинским показаниям	466	26,4
Каждый вправе решать сам	960	54,5
Мне безразлична эта тема	56	3,2
Затрудняюсь ответить	110	6,2
Всего	1763	100

Более половины женщин считают, что этот вопрос каждый вправе решать сам, четверть опрошенных — разрешить только по медицинским показаниям, около 10 % полагают, что аборты надо запретить. Для 3 % женщин эта тема оказалась безразличной. У 6 % респондентов не сформировалось определенное мнение по данному вопросу.

Таблица 3. Осведомленность женского населения о группах риска по абортam

Кто имеет больший риск аборта	Число респондентов, чел.	Распределение, %
Девушки подросткового возраста, начинающие сексуальную жизнь	464	26,3
Женщины в трудных жизненных условиях	138	7,8
Женщины после родов	68	3,9
Женщины, редко обращающиеся к врачу-гинекологу	113	6,4
Женщины, страдающие зависимостью от алкоголя и наркотиков	227	12,9
Женщины с нарушенным менструальным циклом	68	3,9
Все вышеперечисленные	801	45,4
Затрудняюсь ответить	175	9,9

Почти половина женщин хорошо информирована о группах риска по абортam. Наибольший риск, по мнению респондентов, имеют (в порядке убывания):

девушки подросткового возраста, начинающие сексуальную жизнь — 26 %;

женщины, страдающие зависимостью от алкоголя и наркотиков — 13 %;

женщины в трудных жизненных условиях — 8 %;

женщины, редко обращающиеся к врачу-гинекологу — 6 %;

женщины после родов и с нарушенным менструальным циклом — 4 %.

Затруднились ответить около 10 % респонденток, это довольно значительная группа.

Таблица 4. Отношение респондентов к группам риска по аборту

Относите ли Вы себя к группам риска по аборту	Число респондентов, чел.	Распределение, %
Да	233	13,2
Нет	1363	77,3
Затрудняюсь ответить	167	9,5
Всего	1763	100

Абсолютное большинство опрошенных, более $\frac{3}{4}$, не относят себя к группам риска, 13 % женщин считают, что они такой риск имеют, около 10 % затруднились с ответом. Таким образом, настороженность к аборту составляет 13,2 %.

Таблица 5. Отношение респондентов к приемлемости аборта в критическом случае

Приемлем ли аборт в критическом случае?	Число респондентов, чел.	Распределение, %
Да	1247	70,8
Нет	218	12,4
Затрудняюсь ответить	297	16,8
Всего	1763	100

71 % опрошенных придерживаются мнения, что иногда аборт приемлем. Каждая восьмая настроена категорично и отрицает его в любом случае. Значительная группа женщин, около 17 %, затруднились высказаться определенно. Возможно, они нуждались для принятия окончательного решения «за» или «против» в детализации критических случаев.

Таблица 6. Мнение об оправданных причинах прерывания беременности

Причины прерывания беременности	Число респондентов, чел.	Распределение, %
Вынуждают близкие	29	1,6
Вынуждают обстоятельства	110	6,2
Угроза жизни матери	654	37,1
Беременность — результат изнасилования или инцеста	576	32,7
Ребенок будет иметь отклонения в здоровье	560	31,8
Желание женщины	104	5,9
Все вышеперечисленное	463	26,3
Нет таких причин	39	7,9
Затрудняюсь ответить	121	6,9

Самыми вескими причинами для прерывания беременности участвующие в исследовании женщины посчитали (в порядке убывания):

угрозу жизни матери — 37,1 %;

беременность является результатом изнасилования или инцеста — 32,7 %;

отклонения в здоровье у ребенка — 31,8 %.

Для каждой четвертой женщины все приведенные в анкете случаи являются серьезными и весомыми. Для 6 % исследуемых женщин решающими являются обстоятельства и желание женщины, а для 2 % желание близких. Около 8 % респонденток совсем не считают эти случаи критическими и настроены категорически против абортов. Примерно такое же число респонденток затруднились с ответом.

Таблица 7. Информированность женского населения об осложнениях аборта

Осложнения аборта	Число респондентов, чел.	Распределение, %
Бесплодие	559	31,7
Невынашивание беременности	264	15,0
Хронические воспалительные заболевания половых органов	114	6,5
Внематочная беременность	94	5,3
Нарушения менструального цикла	114	6,5
Нарушения со стороны эндокринной системы, ожирение	58	3,3
Доброкачественные и злокачественные процессы в молочных железах	42	2,4
Шок, депрессия, агрессивные состояния	64	3,6
Сексуальные расстройства	36	2,0
В особо тяжелых случаях смерть беременной	109	6,2
Все вышперечисленное	965	54,7
Затрудняюсь ответить	76	4,3

Более половины женщин информированы обо всех осложнениях аборта. Самая высокая информированность о таких осложнениях, как бесплодие и невынашивание беременности, самая низкая — о сексуальных и психических расстройствах, патологических изменениях в молочных железах, нарушениях со стороны эндокринной системы. Не имеют представления по существу данного вопроса около 4 % опрошенных.

Таблица 8. Сведения о показателях информированности женщин об абортах

Показатели информированности	Уровень информированности, %
Информированность о группах риска по абортам	45,3
Информированность об осложнениях аборта	54,7
Средний показатель информированности женщин об абортах	50,1

Показатель информированности женщин об абортах составляет 50,1 % и является средним по шкале Фагестрема.

Способы защиты от нежелательной беременности среди опрошенных женщин логично разделить по степени распространенности на несколько групп:

1 группа — наиболее распространенные: гормональные таблетки, механические барьерные средства — более 20 %;

2 группа — средние показатели распространенности: внутриматочная спираль, прерванный половой акт, разные средства — более 10 %;

3 группа — низкие показатели распространенности: метод «безопасных дней», химические средства — 5 % и менее.

Особая группа опрошенных, около 10 %, не применяет никаких средств защиты. Поскольку исследование причин этого не является целью нашего исследования, то остановимся на констатации данного факта. Уклонились от ответа 3 % опрошенных.

Таблица 9. Распространенность различных способов защиты от нежелательной беременности

Способы защиты от нежелательной беременности	Число респондентов, чел.	Распределение, %
Прерванный половой акт	228	12,9
Метод «безопасных дней»	93	5,3
Гормональные таблетки	483	27,4
Механические барьерные средства	390	22,1
Химические средства	68	3,9
Внутриматочная спираль	244	13,8
Разные средства	222	12,6
Не применяю никаких средств	171	9,7
Затрудняюсь ответить	59	3,3

Таблица 10. Распространенность мнения о необходимости участия мужчины в решении вопроса о способе контрацепции

Необходимость участия мужчины в решении вопроса о контрацепции	Число респондентов, чел.	Распределение, %
Да	1536	87,1
Нет	132	7,5
Затрудняюсь ответить	95	5,4
Всего	1763	100

Абсолютное большинство женщин считает необходимым привлечение мужчины к решению вопроса контрацепции, около 8 % — нет, около 5 % затруднились с ответом.

Таблица 11. Осведомленность о теологическом аспекте абортов

Знаете ли Вы, что аборт — грех во всех вероисповеданиях	Число респондентов, чел.	Распределение, %
Да	1547	87,7
Нет	84	4,8
Затрудняюсь ответить	132	7,5
Всего	1763	100

Почти 90 % респондентов информированы о том, что во всех вероисповеданиях аборт считается одним из тяжчайших грехов [7], 5 % об этом не знали, а 7,5 % затруднились с ответом.

Таблица 12. Сведения об источниках поступления информации по вопросам контрацепции

Источники знаний о контрацепции	Число респондентов, чел.	Распределение, %
От врача-гинеколога и других медицинских работников	1085	61,5
Из печатной продукции и специальной литературы	364	20,6
Из газет и журналов	116	6,6
Из Интернета, телевидения, радио	500	28,4
От подруг, родственников, знакомых	197	11,2
Ничего не знаю об этом	29	1,6
Другое	44	2,5

Наибольшим доверием пользуются врач-гинеколог и другие медицинские работники, для 3/5 это главный источник информации. На втором месте по популярности — Интернет, телевидение, радио, далее — печатная продукция и специальная литература. Каждая десятая женщина довольствуется информацией от подруг, родственников и знакомых. Пользуются информацией из газет и журналов около 7 % респонденток. Признают себя неосведомленными около 2 % опрошенных.

Таким образом, можно составить социальный профиль жительницы крупного промышленного города в контексте ее отношения к прерыванию беременности:

Женщина в возрасте от 26 до 35 лет (35,6 %), уверенная в том, что вопрос об аборте каждый вправе решать сам (54,5 %). Она получила основную информацию о вреде аборта и способах контрацепции от врача, но себя к группе риска в плане прерывания беременности не относит (77,3 %), считая, что в нее входят, преимущественно, девушки подросткового возраста, начинающие сексуальную жизнь (26,3 %). Она знает о том, что аборт осуждается во всех вероисповеданиях (87,7 %), но полагает, что в критических случаях он не только уместен, но и необходим (70,8 %). К таким случаям относит угрозу жизни матери (37,1 %), беременность как результат изнасилования или инцеста (32,7 %), а также объективные данные о том, что ребенок будет иметь отклонения здоровья (31,8 %). Главной опасностью аборта считает бесплодие (31,7 %), при этом об осложнениях после аборта информирована несколько лучше (54,7 %), чем о группах риска по прерыванию беременности (45,3 %). В повседневной жизни принимает определенные усилия, чтобы избежать нежелательной беременности, чаще всего это гормональные противозачаточные средства (27,4 %) или презервативы (22,1 %). Возможно, поэтому считает, что партнер обязательно должен участвовать в решении вопроса о методе контрацепции (87,1 %).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Игнатова Ю. Е., Николенко Н. А. Влияние региональных условий на адаптационные процессы трудовых мигрантов (на примере Волгоградской области) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 3(15). С. 43—48.

2. Статистический ежегодник. Волгоградская область-2012. Волгоград, 2013. С. 53—83.
3. Костенко Т. И., Костенко О. В., Бондаренко А. С. Применение метода кейс-стади при анализе этических ситуаций в акушерско-гинекологической практике // Биоэтика. 2014. № 2 (14). С. 44—46.
4. Григорян В. А., Селихова М. С., Костенко О. В. Нарушение преемственности в деятельности врачей амбулаторного и стационарного звеньев как медицинская и этическая проблема // Биоэтика. 2012. № 2. С. 49—50.
5. Адоманис М. Количество аборт в России быстро сближается с западноевропейскими показателями. URL: <http://inosmi.ru/russia/20130211/205738882.html>.
6. Михайлова Д. О., Седова Н. Н. Социологический анализ потребления медицинских услуг в крупном промышленном городе // Социология города. 2010. № 1. С. 3—9.
7. Карбоннель А. Поддерживаемый церковью законопроект об абортах вызывает в России протесты. URL: <http://inosmi.ru/social/20111109/177332879.html>.

REFERENCES

1. Ignatova Yu. E., Nikolenko N. A. Influence of regional conditions on adaptable processes of labor migrants (case study of the Volgograd region). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii* [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies], 2011, no. 3(15), pp. 43—48. (In Russ.).
2. *Statisticheskii ezhegodnik. Volgogradskaya oblast'-2012* [Statistical Year-Book. Volgograd Oblast-2012]. Volgograd, 2013. Pp. 53—83. (In Russ.).
3. Kostenko T. I., Kostenko O. V., Bondarenko A. S. Application of Case-Study Method in the Analysis of Ethical Situations in Obstetric and Gynecologic Practice. *Bioetika* [Bioethics], 2014, no. 2 (14), pp. 44 — 46. (In Russ.).
4. Grigoryan V. A., Selikhova M. S., Kostenko O. V. Continuity infringement in doctor's activity of out-patient and stationary links as a medical and ethical problem. *Bioetika* [Bioethics], 2012, no. 2, pp. 49—50. (In Russ.).
5. Adomanis M. Russia's Abortion Rate Is Rapidly Converging With Western Europe's. URL: <http://www.forbes.com/sites/markadomanis/2013/02/09/russias-abortion-rate-is-rapidly-converging-with-western-europes/>
6. Mikhailova D. O., Sedova N. N. The sociological analysis of the culture of medical services' consumption in a large industrial city. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2010, no. 1, pp. 3—9. (In Russ.).
7. Karbonnel' A. Supported by the Church Draft of Abortions Causes Protests in Russia. URL: <http://inosmi.ru/social/20111109/177332879.html>.

© Кураков Д. А., Бондаренко А. С., Шестаков А. А., 2014

Поступила в редакцию в октябре 2014 г.

Ссылка для цитирования: Кураков Д. А., Бондаренко А. С., Шестаков А. А. Социальный профиль отношения к абортам жителей крупного промышленного города // Социология города. 2014. № 4. С. 37—44.

For citation: Kurakov D. A., Bondarenko A. S., Shestakov A. A. Social profile of attitude to abortion of residents of a large industrial city. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 4, pp. 37—44. (In Russ.).

УДК 316.346-055.52:616-051

*Н. Н. Седова
Г. А. Кантемирова
К. О. Каплунов*

**РОДИТЕЛИ-ГОРОЖАНЕ
ГЛАЗАМИ ВРАЧЕЙ
(на материале городского
детского инфекционного
стационара)**

Родители детей-пациентов испытывают на себе влияние условий городской среды, некоторые из которых становятся факторами риска в их отношении к больному ребенку. Авторы относят к таким условиям некомплаентность родителей, которые пользуются непроверенной информацией, широкий спектр возможностей для нарушения режима, предоставляемый городской средой, неуважение к врачу, сформированное конкуренцией частной медицины и недостаточным финансированием медицины государственной. Материалом для исследования стал детский инфекционный стационар, поскольку это: а) типично городское медицинское учреждение, б) существуют только государственные медицинские учреждения этого типа и в) данное учреждение обслуживает детей преимущественно с ургентной патологией. Все это позволило эксплицировать роль родителей-горожан в процессе лечения и выявить причины их конфликтов с врачами.

Ключевые слова:

детские инфекции, социальная роль горожанина, родители ребенка-пациента, врачи, факторы риска, частные медицинские учреждения.

*N. N. Sedova,
G. A. Kantemirova,
K. O. Kaplunov*

**PARENTS-CITIZENS
THROUGH THE EYES
OF DOCTORS
(on the material of the municipal
children's infectious hospital)**

The parents of child patients feel the influence of the urban environment, some of which become risk factors in

Среди причин детской смертности в 2013 г. инфекционная патология продолжает оставаться в тройке «лидеров», уступая только травмам и болезням органов дыхания. Особо актуальна борьба с детскими инфекциями в Волгограде, поскольку здесь наблюдаются наиболее высокие показатели среди всех регионов ЮФО. При этом заболеваемость, как правило, выше в городах, и чем крупнее город, тем больше рисков распространения инфекционных заболеваний у детей. Это связано со следующими факторами:

- 1) высокой плотностью населения и разнообразием контактов среди детей;
- 2) высоким темпом жизни, не позволяющим регулярно соблюдать меры профилактики, правильного питания, режима дня и т. п.;
- 3) конфликтом социальных ролей людей, непосредственно отвечающих за здоровье детей (роль городского жителя, которую выполняют мать и/или отец ребенка, может вступать в противоречие с ролью родителя).

В то же время в городской среде существует и больше возможностей для лечения и реабилитации детей с инфекционными болезнями: экстренная медицинская помощь, городские детские инфекционные стационары, квалифицированные специалисты. В их работе много проблем, одной из которых, как это ни парадоксально, оказывается общение с родителями ребенка-пациента. При этом именно деформирующие факторы городской среды играют в этом не последнюю роль. Мы провели социологическое исследование в детских инфекционных стационарах г. Волгограда с целью выяснить, насколько социальная роль горожанина мешает, по мнению врачей, выполнению роли родителей ребенка в ситуации его болезни.

Включение родителей в процесс лечения ребенка — чрезвычайно важная составляющая этого процесса. Но их участие здесь может формироваться стихийно, на основе эмоций и обыденного сознания. Это связано с рисками некомплаентности, избыточной медикализации и т. п. Поэтому одна из задач врача-педиатра — сформировать целенаправленный, научно обоснованный и рациональный подход родителей к участию в лечении. Это может быть достигнуто только при постоянном контакте врача и родителей, что в условиях крупного промышленного города не всегда возможно.

their relation to the sick child. The authors refer to such conditions non-compliance of parents who use unverified information, a wide range of possibilities for violations of the mode, provided by the urban environment, disrespect to the doctor, generated by the competition of private medicine and insufficient funding of state medicine. The material for the study was the children's infectious hospital, because it is: a) a typical urban medical facility, b) there are only public health facilities of this type and c) this institution has deal with urgent pathology mainly. All this helped to explicate the role of parents-citizens in the process of treatment and to identify the causes of their conflicts with doctors.

Key words:

childhood infections,
social role of a citizen,
parents of a child patient,
physicians,
risk factors,
private medical institutions.

Об авторах:

Седова Наталья Николаевна –
доктор философских наук,
доктор юридических наук,
зав. Отделом этической,
правовой и социологической экспертизы
в медицине,
Волгоградский медицинский
научный центр,
nanised@mail.ru

Sedova Natalya Nikolaevna –
Doctor of Philosophy, Doctor of Law,
the Head of the Department on Ethical,
Legal and Sociological Diligence in Medicine,
Volgograd Medical Scientific Center,
nanised@mail.ru

Кантемирова Галина Андреевна –
кандидат социологических наук,
доцент кафедры психолого-
педагогических и медицинских
проблем социальной работы,
Северо-Осетинский государственный
университет им. К. Л. Хетагурова,
Российская Федерация, РСО-Алания,
362025, г. Владикавказ,
ул. Ватутина, 44-46,
cantem.galina@yandex.ru

Kantemirova Galina Andreevna –
Candidate of Sociological Sciences,
Docent of Psychological, Pedagogical and
Medical problems of Social Work Department,
North-Osetian State University
named after K. L. Khetagurov,
Russian Federation, RSO-Alaniya, 362025,
Vladikavkaz, Vatutina St., 44-46,
cantem.galina@yandex.ru

Мы провели опрос врачей-педиатров детских инфекционных отделений медицинских учреждений г. Волгограда. Анкета включала 7 вопросов. По результатам анализа полученных данных те же врачи были проинтервьюированы с целью уточнения ключевых позиций. Был использован метод простого интервью. Прежде всего, необходимо было выяснить, как часто врач имеет возможность общаться с родителями ребенка, находящегося на стационарном лечении. Результаты ответов на этот вопрос представлены ниже:

Часто ли Вы контактируете с родителями ребенка, находящегося на стационарном лечении?

Ответы	%
Ежедневно.....	52
Несколько раз в неделю.....	9
По мере необходимости, индивидуально в каждом случае.....	30
Затрудняюсь ответить.....	9

Мы предполагали, что контакты врача и родителей ребенка, находящегося на стационарном лечении, будут ежедневными почти в 100 % случаев. Но оказалось, что ежедневно общаться с родственниками ребенка-пациента удастся только половине врачей (52 %). Поэтому им мы задали вопрос о том, кто является инициатором таких контактов. Оказалось, что в большинстве случаев (врачи затруднились назвать точные цифры) инициировались такие контакты родителями пациентов, которые уточняли у лечащего врача те или иные моменты по уходу и процессу лечения.

Этот ответ привел к логическому предположению о том, что редкое общение также обусловлено поведением родителей. Те врачи, которые общаются с ними несколько раз в неделю (2—3 раза), подтвердили, что родители не проявляют большой активности в контактах, объясняя это: а) нехваткой времени, б) трудностями с транспортом, из-за которых они никак не могут застать врача, в) собственным нездоровьем и другими подобными причинами, так или иначе связанными с факторами урбанизации.

Оптимальной считали свою позицию те врачи, которые ответили, что общаются с родителями ребенка по мере необходимости, родителями ребенка по мере необходимости, определяемой каж-

Каплунов Кирил Олегович –
врач-инфекционист,
аспирант кафедры философии,
биоэтики и права с курсом социологии
медицины,
Волгоградский государственный
медицинский университет,
Российская Федерация, 400131,
г. Волгоград, пл. Павших Борцов, 1,
kkaplunovtmss@yandex.ru

Kaplunov Kirill Olegovich –
Infectious Disease Physician,
Postgraduate student of Philosophy,
Bioethics and Law Department
with a course of medicine sociology,
Volgograd State Medical University,
Russian Federation,
400131, Volgograd,
Square of Fallen Soldiers, 1,
kkaplunovtmss@yandex.ru

длым конкретным случаем. В данной группе респондентов большинство отметили, что сами являются инициаторами контактов с родителями, более того, целенаправленно разыскивают их и назначают конкретное время для встречи. Именно в этой группе просматривается ориентация на полезность общения с родителями. Действительно, контакт ради контакта часто оказывается неэффективным, в то время как совместное решение проблемы по мере ее возникновения ведет, чаще всего, к положительному результату.

Мы спросили тех, кто не дал ответа на поставленный вопрос, о причинах их затруднений и получили единодушный ответ: «Так много работы, что и не упомнишь, с кем и когда разговаривал». Другими словами, затруднившиеся ответить врачи просто не фиксировали частоту контактов с родителями маленьких пациентов, считая этот аспект своей деятельности не столь важным.

Установленное отношение к частоте и необходимости контактов с родителями могло определяться тем, как оценивают врачи их роль в лечебном процессе, поэтому был задан соответствующий вопрос:

Вы считаете, что родители:

Ответы	%
Всегда помогают врачу в процессе лечения.....	9
Чаще помогают врачу в процессе лечения.....	74
Чаще мешают врачу в процессе лечения.....	9
Их присутствие в стационаре нежелательно.....	4
Иногда помогают, иногда мешают.....	4

Как можно было предположить, абсолютное большинство докторов (74 %) считают, что родители не всегда, но чаще помогают врачам в процессе лечения их детей. При более подробном выяснении данного вопроса оказалось, что позитивное влияние родителей на детей-пациентов врачи видят в правильном уходе, в соблюдении назначений врача, а также моральной поддержке детей. Гораздо меньшая часть медработников согласилась с тем, что родители могут помешать врачу и тем самым навредить собственному ребенку при оказании стационарной медицинской помощи. Здесь доктора указывали особый психотип родителя, чаще мамы, характеризующийся чрезмерным попечительством над ребенком, гиперопекой над

ним, что может препятствовать рациональным и разумным требованиям и действиям медперсонала, ухудшая тем самым прогнозы лечения. И здесь также были отмечены негативные влияния городской среды обитания: широкий набор соблазнов для детей в виде фаст-фуда, магазинных сладостей, полуфабрикатов. Мама часто балуют свои детей, покупая без разбору то, что попадает им по пути в больницу, и в результате нарушают такую необходимую при инфекционных заболеваниях диету.

Интересно, что более молодые доктора посчитали присутствие родителей в стационаре нежелательным, а также высказали более уверенно сомнение в необходимости их участия в процессе лечения. Ответ «всегда помогают» дали наиболее опытные врачи. В интервью они пояснили, что нужно правильно сориентировать родителей, использовать их возможности по уходу за ребенком. Это значит, что более опытные врачи считают себя ответственными не только за процесс лечения и состояние ребенка, но и за поведение родителей. Такая позиция является наиболее желательной, но, к сожалению, представлена лишь в 9 % случаев.

Но понятие «родители ребенка-пациента» носит условный характер. Чаще всего за ребенком ухаживает мама, но нередко и бабушка, отец, дедушка, сестра или брат, тетя или дядя. Мы выяснили, с какими именно родственниками чаще всего контактируют врачи:

Кто из родственников больного ребенка чаще контактирует с врачом?

Ответы	%
Мама.....	78
Бабушка.....	4
В разных случаях это могут быть различные родственники.....	18

Доктора указали, что чаще всего вместе с ребенком госпитализируется по уходу за ним мама. Это обстоятельство объясняется тем, что наибольшее количество больных, госпитализированных вместе с родителем, являются детьми дошкольного возраста, обычно 1—4 лет, повседневный уход за которыми осуществляет, как правило, мама.

С другой стороны, достаточно часто в процессе своей деятельности доктора контактируют с различными родственниками одного ребенка. Это можно объяснить несколькими причинами: мамы вынуждены ухаживать дома за младшим ребенком, существуют проблемы рабочего характера, ребенок воспитывается отцом и прочее.

В интервью мнения врачей о том, с кем им легче контактировать, разделились. Примерно половина интервьюируемых абсолютизирует роль матери в уходе за ребенком и считает контакты с ней психологически более успешными. Некоторые врачи с большим уважением говорят об эффективных контактах с бабушками ребенка-пациента. Те, кто отмечал полезность контактов с отцом, объясняли это тем, что мужчины более объективно оценивают ситуацию и принимают более последовательные решения. Поскольку формирование мнений о том, с кем из родственников легче контактировать врачу, происходит под влиянием многих индивидуальных факторов (характер самого врача, его психотип, отношение ребенка с родственниками, конкретная

клиническая ситуация и т. п.), мы не анализировали эту позицию специально и упоминаем о существующих мнениях в качестве иллюстрации.

Несмотря на то, что врачи, в большинстве своем, считают необходимыми контакты с родственниками детей-пациентов и общаются с ними достаточно часто, они признают, что при этом общении испытывают определенные трудности. Мы попытались систематизировать эти трудности, задав респондентам соответствующий вопрос:

Отметьте, пожалуйста, основные трудности в контактах с родственниками ребенка-пациента (можно отметить 1–3 пункта):

Ответы	%
Отсутствие комплаентности у родственников ребенка.....	21,7
Эмоциональная загруженность родственников ребенка.....	47,8
Эмоциональная загруженность медицинского персонала.....	17,4
Неуважение к врачу и другим медработникам.....	60,9
Некомпетентность родственников в вопросах ухода за ребенком	56,5
Финансовые трудности семьи при обеспечении правильного ухода за ребенком.....	13
Невнимание к проблемам ребенка.....	8,7
Затрудняюсь ответить.....	8,7

Наибольшие сложности у докторов возникли при идентификации негативных факторов, влияющих на взаимодействие родителей и медперсонала. Абсолютное большинство из них указали две основные причины: неуважение к врачу со стороны родственников ребенка (60,9 %) и некомпетентность последних в вопросах ухода за ребенком-пациентом (56,5 %). Чуть меньше респондентов указали эмоциональную загруженность родственников, госпитализированных вместе с ребенком. Неуважительное отношение к медицинской сфере со стороны нашего современного общества является особой проблемой и отдельным предметом изучения.

Проблема недостаточных навыков у родственников по уходу за больным ребенком не может быть решена в условиях инфекционного стационара. Здесь следует рекомендовать педиатрической службе больше внимания уделять вопросам правильного ухода не только за здоровым ребенком, но и больным в условиях стационарного лечения. Что касается эмоциональной загруженности госпитализированных по уходу родственников, то в данном случае целесообразно привлечение медицинских/социальных психологов для обеспечения максимально комфортной психологической среды для родственников больного ребенка в течение всей госпитализации. Привлечение психолога могло бы помочь решить проблему отсутствия комплаентности у родственников, а также косвенно снизить эмоциональную загруженность медицинского персонала.

Низкая культура потребления медицинских услуг в нашей стране — проблема, о которой не любят говорить. Мы можем отметить всего одну работу в области социологии, которая посвящена данной проблеме [1]. Чаще всего говорят о низком качестве предоставления медицинских услуг. Между тем, как отмечают Д. Михальченко, И. Фирсова и Н. Седова, «...медицинская услуга уникальна тем, что потребитель не только пассивно присутствует при оказании ему медицинской помощи, но и сам активно участвует, влияет на

этот процесс» [2]. А поскольку ребенок — это пациент, который не может самостоятельно принимать решения по вопросам лечения, за него это делают полномочные представители, чаще всего родители, следовательно, именно к ним следует предъявлять определенные требования по культуре потребления медицинских услуг. К сожалению, этому у нас нигде не учат, поэтому врачи-педиатры выполняют, зачастую, и просветительские функции. Это серьезно осложняет их работу. Не удивительно, что достаточно большое количество ответов подчеркивает в качестве негативного фактора общения с родственниками эмоциональную загруженность самого медицинского персонала.

Стоит отметить, что такой негативный фактор, как невнимание к проблемам ребенка, отметили наименьшее количество респондентов, что может говорить о заинтересованности как со стороны врачей, так и со стороны родителей в скорейшем позитивном результате лечения ребенка.

Неподготовленность и некомпетентность родителей в ситуации болезни ребенка характеризует их поведение как рискованное, что не могут не отметить врачи.

Считаете ли Вы, что в случаях инфекционных заболеваний детей их родственники выступают факторами риска?

Ответы	%
Всегда.....	9
Часто.....	39
Иногда.....	48
Никогда.....	0
Затрудняюсь ответить.....	4

Несмотря на то, что почти $\frac{3}{4}$ респондентов утверждали, что родители чаще помогают врачу в процессе лечения, почти все они (96 %) указали, что родственники ребенка-пациента иногда могут выступать и как факторы риска в процессе лечения последнего, при этом чуть более $\frac{1}{3}$ докторов заявили, что это случается часто. Причины этого были обозначены в предыдущем вопросе. Отсюда возникает необходимость нивелирования возникающих факторов, негативно влияющих на интеракцию «доктор — родитель». Здесь следует отметить, что ни один респондент не отрицал факт того, что родственники могут негативно влиять на процесс лечения. Следовательно, врачи учитывают это обстоятельство и готовы к нему. В интервью они отмечали, что чаще всего родственники не соблюдают режим питания, ищут дополнительные лекарственные средства, не прописанные врачом, обращаются к знахаркам и целителям. Возможности для такого отклоняющегося поведения родителей также широко представлены именно в городской среде.

При этом молодые родители часто пытаются использовать информацию, полученную из Интернета — непроверенную и даже ложную, бабушки порой прибегают к рецептам своих бабушек и т. п. Врачи утверждали, что в условиях стационара эти риски можно предотвратить, а вот когда ребенок выписан из больницы, следить за правильным поведением родителей и других родственников трудно, если вообще возможно. Некоторые опытные врачи в интервью рассказывали о семьях, в которых дети достаточно часто попадают в стационар из-за одних и тех же ошибок в уходе.

Несмотря на единодушное признание существующих рисков в поведении родителей, врачи признают их помощь в лечении не просто полезной, но и необходимой. Мы перечислили нозологии, чаще всего встречающиеся в клинике детских инфекций, и попросили отметить врачей те, при которых помощь родителей им необходима.

При каких нозологиях Вы считаете помощь родителей врачу необходимой?

Ответы	%
Тяжелые кишечные инфекции.....	4
При любых.....	96

Практически все доктора отметили, что во всех случаях совместной госпитализации детей и родителей помощь последних является необходимой. Это согласуется с утверждением, что родители в большинстве случаев выступают позитивными агентами, способствующими скорейшему выздоровлению ребенка. Интересно, что врачи не стали выделять из нашего списка какие-то отдельные нозологии, кроме тяжелых кишечных инфекций — 4 %. Такое единодушие позволило удовлетвориться полученным результатом и не задавать в интервью вопросов на эту тему. При этом, как было указано выше, при наличии негативных факторов родственники могут выступать факторами риска.

Естественно, нас интересовал вопрос о том, в чем именно заключается помощь родителей при лечении инфекционных заболеваний у детей.

В чем, по Вашему мнению, должна заключаться помощь родственников больного ребенка?

Ответы	%
В уходе за ребенком.....	19
В соблюдении назначений врача.....	57
В обеспечении лекарствами.....	5
В осуществлении профилактики инфекционных заболеваний	9
В позитивной моральной поддержке.....	5
В отсутствии самолечения.....	5

Большая часть респондентов указала, что наиболее эффективной помощью со стороны родственников является неукоснительное соблюдение врачебных назначений (57 %). С одной стороны, может показаться, что врачи тяготеют к патерналистской модели поведения, однако патерналистское по форме поведение врача является по содержанию коллегиальным, поскольку направлено на достижение общего положительного результата — выздоровления больного ребенка. Гораздо меньшую группу составили доктора, считающие правильным уход за ребенком результативным родительским действием (19 %). Остальные варианты ответов набрали небольшое количество голосов по одной причине. Как выяснилось в ходе интервью, врачи, выбравшие ответ «В соблюдении назначений врача», понимали его достаточно широко, включая в него все остальные варианты.

Большинство опрошенных нами врачей (72 %) считают, что городская среда провоцирует риски детских инфекций, а 81 % респондентов отметили, что негативные моменты в поведении родителей ребенка-пациента связаны с

условиями их жизни в городе. К факторам риска были отнесены следующие: большое количество и доступность непроверенной информации (Интернет, реклама, слухи и т. п.), наличие условий для нарушения рекомендаций врача (в основном в соблюдении режима питания), падение престижа врача в обществе. Последнее положение нуждается в разъяснении. Дело в том, что структура здравоохранения в городе отличается от аналогичной в сельской местности, в частности наличием многочисленных частных медицинских учреждений. Привлечение клиентов в них нередко строится на противопоставлении частной и государственной медицины. В общественном мнении складывается образ врача государственного медучреждения как низкооплачиваемого, малоквалифицированного специалиста, доверять которому нельзя [3]. Поэтому те, кто может себе позволить услуги платной медицины, обращаются к ней. Но частных детских инфекционных стационаров у нас нет, заболевших детей направляют в государственную больницу, к врачам которой некоторые родители, еще не зная их, относятся с недоверием. Если обеспечение государственных детских стационаров и работающих в них врачей будет лучше, чем в частных клиниках, родители будут реагировать иначе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бармина Т. В. Культура потребления медицинских услуг в современном российском обществе : дисс... канд. мед. наук. Волгоград: ВолгГМУ, 2009. 140 с.
2. Михальченко Д. В., Фирсова И. В., Седова Н. Н. Социологический портрет медицинской услуги. Волгоград: ВолгГМУ, 2011. 140 с.
3. Крамарь Л. В., Каплунов К. О., Кантемирова Г. А. Взаимоотношения медицинских работников и родителей детей-пациентов в практике детских инфекций // Биоэтика. 2014. № 2(14). С. 50—54.

REFERENCES

1. Barmina T. V. *Kul'tura potrebleniya meditsinskikh uslug v sovremennom rossiiskom obshchestve* [Culture of Consumption of Medical Services in Modern Russian Society]. Cand. med. sci. diss. Volgograd, VolgSMU Publ., 2009. 140 p. (In Russ.).
2. Mikhalchenko D. V., Firsova I. V., Sedova N. N. *Sotsiologicheskii portret meditsinskoi uslugi* [Sociological Portrait of Medical Service]. Volgograd, VolgSMU Publ., 2011. 140 p. (In Russ.).
3. Cramar' L. V., Kaplunov K. O., Kantemirova G. A. The relationship of health workers and ro-parents of child patients in the practice of child infections. *Bioetika* [Bioethics], 2014, no. 2(14), pp. 50—54. (In Russ.).

© Седова Н. Н., Кантемирова Г. А., Каплунов К. О., 2014

Поступила в редакцию в октябре 2014 г.

Ссылка для цитирования: Седова Н. Н., Кантемирова Г. А., Каплунов К. О. Родители-горожане глазами врачей (на материале городского детского инфекционного стационара). 2014. № 4. С. 45—52.

For citation: Sedova N. N., Kantemirova G. A., Kaplunov K. O. Parents-citizens through the eyes of doctors (on the material of the municipal children's infectious hospital). *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 4, pp. 45—52. (In Russ.).

УДК 692.4:712.25:316.334.56

*О. В. Масловская,
Л. А. Чернявина*

**ОСОБЕННОСТИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ПЛОЩАДОК НА КРЫШАХ
КАК МЕСТ СОЦИАЛЬНОЙ
КОММУНИКАЦИИ
(на примере кампуса ВГУЭС
во Владивостоке)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-04-00343 «Особенности дизайнерского преобразования среды городских площадей как пространственного архетипа и места социальной коммуникации»

Цель исследования состоит в раскрытии особенностей функционирования плоских эксплуатируемых крыш в качестве общественных пространств на примере кампуса ВГУЭС в городе Владивостоке.

На этапе сбора исходных данных в исследовании применялись такие методы, как наблюдение, фотографическая фиксация и социологический опрос в форме анкетирования. В теоретической части исследования использовались методы аналитической феноменологии архитектуры и структурно-семиотического анализа. В проектно-экспериментальной части исследования использовалось символическое (рисунки, схемы и чертежи) и компьютерное (3D-сцены) моделирование.

В статье рассматриваются рекламно-информационные и рекреационные пространства, полученные в результате преобразования поверхностей кровли, и их способность реализовать множество социально-коммуникационных функций. Анализируется роль таких пространств как катализаторов общественной активности, символов современности, знаков единства природного и архитектурного окружения, индексов высокого уровня комфортности среды обитания, заботы о психологическом здоровье общества, показателей статуса и носителей фирменного стиля заведения, средств познания действительности.

Проведенное теоретическое исследование и практический эксперимент позволяют сделать вывод об эффективности и перспективности использования поверхностей плоских

Введение. Обычай устраивать эксплуатируемые кровли у некоторых народов существовал уже в древности, но в настоящее время их актуальность и популярность во многих странах значительно возросла. Это происходит не только в связи с все большей необходимостью заботы об экологии, экономном и разумном использовании территориальных и энергетических ресурсов, но и в связи с потребностью в новых коммуникационных площадках, возросшим стремлением горожан привести природу в архитектуру, улучшить видеоэкологию, наполнить среду новым значением и эстетическим содержанием. Типовые архитектурные решения, унылая однообразная застройка — печальная константа нашего времени и причина психологического дискомфорта и неудовлетворенности жителей мегаполисов.

Современные технологии создают широкие возможности по превращению плоскостей крыш в качественно новые гармоничные городские пространства. В русле этих тенденций используемая для различных социальных целей, часто озелененная поверхность крыши-террасы становится знаком единства природного и архитектурного окружения, индексом высокого уровня комфортности среды обитания, символом современности, индивидуальности, статуса и стиля.

Для городов на сложном рельефе актуальность использования знакового потенциала «пятого фасада» не менее существенна, чем для мегаполисов с их разновысотной, в том числе небоскрежной застройкой. Во Владивостоке, расположенном на холмистой местности, в формировании облика среды активно участвуют не только стены зданий, но и крыши, что обуславливает несомненную важность данной темы для местных условий.

Объектом исследования в данной статье являются плоские эксплуатируемые кровли в городском контексте. Особенности функционирования площадок на крышах как мест социальной коммуникации составляют предмет исследования. Таким образом, цель исследования может быть определена как раскрытие особенностей функционирования плоских эксплуатируемых крыш в качестве общественных пространств на примере кампуса ВГУЭС в городе Владивостоке.

крыш как мест для социальной коммуникации, способных обогатить городской контекст новыми значениями и эстетическим содержанием, способствующих повышению общественной активности и увеличению тем самым динамической плотности социума.

Ключевые слова:

ландшафт крыш, общественные пространства, архитектурный знак, университетский кампус, дизайн среды.

*O. V. Maslovskaya,
L. A. Chernyavina*

**SPECIAL FEATURES
OF FUNCTIONING OF FLAT
ROOFS AS THE PLACES
FOR SOCIAL COMMUNICATION
(on the example of VSUES
campus in Vladivostok)**

The research is executed with the financial support of RHSF within the R&D project no. 14-04-00343 "Features of design transformation of the environment of city squares as spatial archetype and place of social communication"

The purpose of the study is to reveal the special features of the flat operable roofs functioning as public spaces based on the example of VSUES campus in Vladivostok city.

The methods of observation, photographic fixation and opinion poll in the form of questioning were adapted for the initial data collection. The methods of analytical architectural phenomenology and structural-semiotic analysis were used for the theoretical research. The symbolic (diagram and drawings) and computer (3d-scenes) simulation was used in experimental-design part of the study.

The informational and recreational spaces, obtained as a result of the roofing surfaces conversion, and their ability to realize the social-communication functions are examined in the article. The role of such spaces as the catalysts of public activity, symbols of the present, signs of the natural and architectural environment unity, indices of the high level of the living environment comfort, concern about the psychological health of society, indices of status and carriers of the institution firm style, means of the knowledge of reality are analyzed.

На этапе сбора исходных данных в исследовании применялись такие методы, как наблюдение, фотографическая фиксация и социологический опрос в форме анкетирования. В проектно-экспериментальной части исследования использовалось символическое (рисунки, схемы и чертежи) и компьютерное (3D-сцены) моделирование. На этапе исследования истоков изучаемого явления применялся также исторический метод.

Теоретическая часть исследования включала использование структурно-семиотического подхода и аналитической феноменологии архитектуры, позволяющих раскрыть многообразие проявлений изучаемого феномена в рамках конкретной культуры и более широкой области, где происходит его трансформация; определить его семантические значения и место в социально-культурной системе. В связи с этим в данной статье «функция» понимается не только и не столько в узкоутилитарном значении этого слова, а в более широком контексте архитектуры как социальной коммуникации, и крыши, в том числе, как архитектурного элемента-знака, обладающего социально-культурными значениями.

Границы исследования включают плоские эксплуатируемые кровли, участвующие в формировании образа города, хотя в известной мере затрагиваются и скатные крыши. На плоских крышах часто устраиваются сады, но их утилитарные функции не исчерпываются только озеленением. Что касается экоархитектуры, то она включает еще более широкий диапазон озелененных пространств: не только на плоских, но и на скатных крышах, а также множество других компонентов. В нашу задачу входит рассмотрение пространств на крышах различного социально-функционального назначения: рекреационных, транспортных, хозяйственных и других площадок вне зависимости от степени их озеленения. Территориальные границы включают территорию кампуса ВГУЭС во Владивостоке. С точки зрения хронологии в статье анализируются проекты и осуществленные объекты 2010-х годов.

Исторические и современные пространства на крышах. Традиции устраивать эксплуатируемые кровли поддерживались многими древними культурами. XXI веком до

The theoretical studies and practical experiment make it possible to draw the conclusion about the effectiveness and prospects of the use of flat roofs surfaces as places for social communication, capable to enrich the urban context by the new values and the aesthetical content, to increase the public activity and dynamic density of society.

Key words:

roofscape,
public spaces,
architectural sign,
university campus,
environmental design.

Об авторах:

Масловская Оксана Владимировна — кандидат архитектуры, доцент, профессор кафедры дизайна и искусств, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. Российская Федерация, 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41, oxym69@gmail.com

Maslovskaya Oksana Vladimirovna — Candidate of Architecture, Docent, Professor of Design and Arts Department, Vladivostok State University of Economy and Service. Russian Federation, 690014, Vladivostok, Gogolya St., 41, oxym69@gmail.com

Чернявина Лариса Андреевна — доцент кафедры дизайна и искусств, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. Российская Федерация, 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41, larisa.chemyavina@vvsu.ru

Chernyavina Larisa Andreevna — Docent of Design and Arts Department, Vladivostok State University of Economy and Service. Russian Federation, 690014, Vladivostok, Gogolya St., 41, larisa.chemyavina@vvsu.ru

н. э. датируются посадки деревьев на искусственных основаниях Великого зиккурата в Уре — все сооружение должно было напоминать равнинным жителям священную гору [1].

Использование пространств на крышах для устройства садов было отличительной чертой некоторых выдающихся объектов Древней Греции и Древнего Рима. Так, например, при раскопках римского города Помпеи были обнаружены остатки античного сада на плоской крыше аркады, с трех сторон окружавшей виллу Мистериас [2]. Традиция возобновляется в эпоху Возрождения: во Флоренции, например, это вилла Медичи с садом на крыше, возведенные в 1400 г. [3].

В России начиная с XVII века также возводятся сады «на крышах хозяйственных помещений — над погребами, зернохранилищами», и принадлежали они «царской фамилии либо высшему духовенству, позже — предпринимателям и купечеству» [4, с. 12]. В XIX веке появление новых строительных материалов и конструкций дало первый толчок массовому строительству таких объектов.

В 1926 г. Ле Корбюзье, убежденный, что «архитектура может влиять на общественные отношения и формировать их» [5], провозгласил «Пять отправных точек современной архитектуры», охарактеризовав новый принцип создания крыши следующим образом: «Крыши — сады. Железобетон — это новый материал, позволяющий создать совмещенную кровлю здания. Соображения технологии, экономии, удобства и психологии приводят нас к выбору крыши-террасы» [6].

Следует отметить, что скатная крыша являлась обязательным элементом традиционного жилища многих культур на протяжении веков. В представлениях древних народов важную роль играла «идея покрытости», выражавшаяся в присутствии крыши как пограничного элемента между внутренним и внешним пространствами [7, с. 105]. Вследствие этого горизонтальные завершения зданий интернационального стиля воспринимаются как не имеющие крыши, их массовое распространение сделало совмещенную кровлю одним из знаков современной архитектуры, манифестирующим отрицание многовековых традиций.

Развитие новой общенаучной и архитектурной парадигмы во второй половине XX — начале XXI веков, переосмысление роли различных архитектурно-пространственных элементов городской застройки привели к новому всплеску интереса и массовому появлению функционально насыщенных и высокотехнологичных крыш-террас в разных частях света. О масштабах строительства озелененных крыш за рубежом косвенно говорит и факт актуализации термина «ландшафт крыш» (roofscape) в зарубежной литературе.

В Нью-Йорке в настоящее время насчитывается около 10 000 используемых пространств на крышах жилых домов, музеев, выставочных центров, административных зданий, школ и т. д. Однако самая большая озелененная крыша Северной Америки создана в канадском Ванкувере (2,6 га общей площади). «Крыша нового конференц-зала является примером того, как большую абиотическую область можно преобразовать из биологического пассивного элемента в устойчивую экосистему, населенную птицами и насекомыми, предотвращающую перегрев здания и утилизирующую дождевую воду» [8].

В настоящее время развивается тенденция не просто озеленения пространств на крышах, но и использования их в сельскохозяйственных целях: «Инфраструктура зеленых крыш подходит к тому пункту развития, что их прежние функции не могут считаться достаточными. В Чикаго, Нью-Йорке, Торонто создаются проекты преобразования некоторых из озелененных крыш в фермы. Города, поддерживающие прогрессивную политику, одобряют и даже требуют внедрения зеленых крыш, имеющих новую конструкцию, которая предусматривала бы возможность выращивания сельскохозяйственных культур в урбанизированных ландшафтах» [9].

В Сингапуре на площадках крыш небоскребов размещается значительное количество таких ферм, специализирующихся на выращивании сельскохозяйственных культур: в результате сокращения пути от места производства до потребителя существенно уменьшаются транспортные расходы. Здесь же, в Сингапуре, предполагается возвести эконбоскреб «Эдит Тауэр» по проекту Кена Янга: «Дизайн этой башни представляет собой органическую композицию — продвижение к новой экологической эстетике. ...Это буквально вертикальный ландшафт» [10].

При проектировании новых зданий в Германии озеленение крыши — обязательное условие получения согласования на строительство. В Швейцарии озеленены уже более 25 % крыш городских зданий. В Японии власти обязали домовладельцев выращивать на всех плоских крышах площадью более 100 м² деревья и газоны. В России благоустройство крыш еще не получило массового распространения, но некоторые шаги уже сделаны: в 2000 г. Москомархитектурой разработаны «Рекомендации по проектированию озеленения и благоустройства крыш жилых и общественных зданий и других искусственных оснований».

Архитекторы активно ищут пути удовлетворения потребности современного общества в новых площадках для различных видов социальной активности, формирующей среду и оказывающей влияние на общественные отношения. Как отмечает Х. Делитц, «архитектура как средство отражения культуры... — это точнейший сейсмограф общественных изменений. Она делает их наглядными, представляет и воспроизводит их» [11].

Коммуникационные функции пространств на крышах зданий.

Пространство эксплуатируемой кровли обладает богатым потенциалом как объект эстетического созерцания, повышающий степень удовлетворенности общества окружающей средой, а также как знак, информирующий наблюдателя о содержащихся в нем смыслах на основе различных кодов. В результате удовлетворяется потребность городского сообщества в новых коммуникационных площадках, увеличивается частота и плотность общения горожан.

Рассмотрим подробнее коммуникативные функции крыши-террасы, обратившись к классификации функций сообщения, разработанной Р. О. Якобсоном [12, с. 326]. В этой классификации исследователем выделено шесть функций: референтивная, эмотивная, повелительная (императивная), фатическая, металингвистическая и эстетическая.

В определении *референтивной функции* будем опираться на следующий постулат У. Эко: «Возможности, предоставляемые архитектурой (проходить, входить, останавливаться, подниматься, садиться, выглядывать в окно, опираться и т. д.), — суть не только функции, но и, прежде всего, соответствующие значения, располагающие к определенному поведению. ...Наш подход... позволяет увидеть в архитектурном знаке означающее, означаемым которого является его собственное функциональное назначение» [13].

С утилитарной точки зрения пространства на крышах служат для реализации разных видов социальной активности: используются как место отдыха и общения, для хозяйственных нужд, в качестве садов, огородов, видовых площадок, посадочных площадок вертолетов, парковок автомобилей и т. д. Если при определении референтивной функции любое пространство на крыше обозначает свое собственное функциональное предназначение, то, исходя из этого, референтивным будет простое предложение типа «Это площадка для отдыха и общения на крыше здания». У. Эко отмечает, что референтивную функцию нельзя исключить из числа функций архитектуры [13, с. 278], поскольку архитектурный объект, в нашем случае пространство на крыше здания, является референтом самого себя.

Эмотивная функция архитектурного дискурса имеет целью вызвать эмоциональную реакцию. В случае с пространством на крыше это может быть достаточно широкий спектр эмоций: от уединенности, расслабленности, удовлетворенности, покоя до чувства свободы, полета, в определенных случаях — ощущения незащитности, отсутствия укрытия, тревоги, страха и беспомощности. Так, при восприятии сверху обширного пространства душе современного человека, так же как и его далекому предку, присущи священный трепет и ощущение приподнятости от соприкосновения с чем-то более величественным, чем обыденная реальность. Более того, в определенные моменты процесс восприятия архитектуры может сопровождаться переживаниями, родственными катарсису. «Катарсис в архитектуре — это момент, связанный с ощущением раскованности, свободы и удовлетворения, ... “очищение” в результате выхода “на простор архитектурного или природного ландшафта”» [14, с. 199].

Повелительная, или императивная функция архитектуры представляет собой приказ, повеление. Так, рекреация на крыше как будто призывает:

«Расслабься! Отдохни! Отвлекись от повседневных дел! Взгляни вокруг! Полюбуйся открывающимся видом!» Пространство на крыше, организованное определенным образом, принуждает к действию, в значительной мере обуславливая способы поведения человека в среде. Скамейки и кресла «приглашают» присесть, ограждения и перила — прислониться или облокотиться, качели — покачаться, беседка располагает к разговору и т. д.

Фатическая функция архитектурного объекта стремится подтвердить простое наличие коммуникации, проверить исправность канала связи, удостоверить сам факт своего присутствия. Фатическая функция обеспечивает связность компонентов городской среды. Самим фактом своего существования крыша дает знать, что это освоенное и обжитое место, благоустроенная среда, а не пустырь — разрыв в ткани городской застройки.

Металингвистическая функция архитектурной коммуникации подразумевает, что предметом сообщения является другое сообщение. Площадка на крыше пристройки является способом экспонировать примыкающие к террасе фасады зданий, расположение технических сооружений на крыше сообщает опытному взгляду об устройстве инженерных сетей, смотровая площадка обеспечивает обзор панорамных городских или природных ландшафтов.

Одной из важнейших функций, выполняемых крышей-террасой, несомненно, является *эстетическая*. У. Эко отмечает, что произведение обретает эстетическое значение, когда «стремится привлечь внимание адресата к тому, как оно построено» [13, с. 108]. Если мы имеем дело с профессиональным или даже любительским дизайном обустройства крыши, то выполнение таким объектом эстетической функции очевидно. Иерархия объемов, масштаб и пропорции, метр и ритм, цветовые сочетания, контрасты различных фактур, особенности дневного и ночного освещения — далеко не весь арсенал композиционных средств, используемых дизайнером. Эстетическая выразительность тесно связана с эмотивной функцией, само слово «эстетика» происходит от греч. *aisthetikos* — чувствующий, чувственный. Но здесь мы имеем дело в основном с положительной частью эмоционального спектра, так как эстетика направлена на достижение гармонии и вызывает к чувству прекрасного.

В одном архитектурном объекте или его части могут сосуществовать все или несколько функций, обычно они переплетаются, но какая-то одна или две оказываются преобладающими. «Ни одна функция не проявляет себя изолированно. Уместнее говорить о пучках функций — своеобразных кластерах структуры архитектурного пространства. Именно они составляют смысловой каркас — структурную основу архитектурного произведения» [15, с. 40]. Таким образом, знаковый и символический феномен пространства на крыше формируется группами значений, обуславливающими его значимость в социально-культурной системе.

Дизайнерское преобразование пространств на крышах учебных корпусов ВГУЭС. Рассмотрим в качестве примера несколько проектных решений и осуществленных идей преобразования крыш университетского кампуса, предпринятых в последние годы. В процессе сбора информации, предшествующем разработке проекта, студентами-дизайнерами был

проведен опрос преподавателей и студентов ВГУЭС. Выборочная совокупность опроса составила 650 человек, из них 15 % мужчин и 85 % женщин; среди них 76 % молодежи до 25 лет, 21 % среднего возраста и 3 % людей старше 55 лет.

Как Вы можете охарактеризовать вид из окон и верхних отметок рельефа? Ответ респондентов на этот вопрос был практически один: для открывающихся видов характерно однообразие и отсутствие визуальных акцентов. Лишь 12 % респондентов ответили, что не могут ничего сказать по этому поводу. Положительную оценку видам с верхних этажей дали 18 % опрошенных, поскольку их квартиры обращены в сторону акваторий и визуальный кадр охватывает пространства морских заливов, окружающих город.

Как часто Вы используете крышу для какой-либо деятельности? 26 % молодых женщин используют крышу для загораживания, 7 % молодежи используют крышу для общения в дни праздников, 10 % используют крышу для каких-то других мероприятий, в частности для репетиций и любования салютом; остальные никогда на крышу даже не поднимались.

Эксплуатируемые кровли можно превратить в площадки для отдыха и общения, оборудовав так называемые сады на крышах, а неэксплуатируемые использовать в качестве рекламных поверхностей. Выбрав в качестве опытной площадки крыши университетского кампуса, студенты опробовали разные дизайнерские решения по созданию более привлекательного вида кровель.

ВГУЭС представляет собой компактный многофункциональный комплекс, включающий в себя учебные корпуса, спорткомплекс «Чемпион», здания общежитий и гостиницу «Аванта», которые, как большинство зданий города, располагаются на разных высотных отметках (рис. 1). Спорткомплекс и гостиница выше всех зданий кампуса, их посещает множество людей, не являющихся студентами университета. Именно поэтому решено уделить особое внимание нижележащим крышам университета как рекламным площадкам (рис. 2).

Рис. 1. Общий вид кампуса ВГУЭС

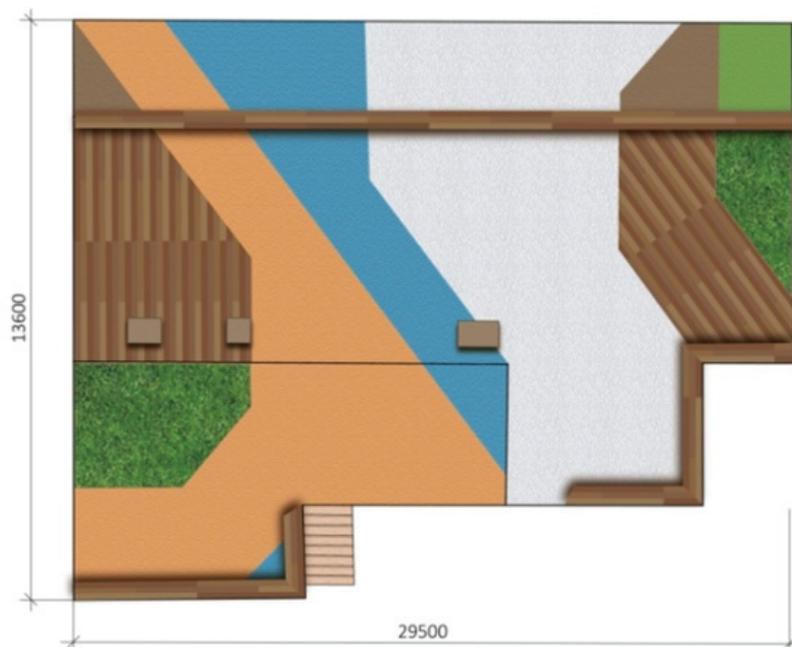

Рис. 2. Вид центральной части кампуса ВГУЭС с верхних отметок

Одной из наиболее активно эксплуатируемых поверхностей является кровля Молодежного центра (рис. 3). Студенты часто используют эту крышу для различных репетиций, поэтому ее основную часть предлагается покрыть резиновой крошкой фирменных цветов ВГУЭС; участки, используемые в качестве мест для сидения, отделать террасной доской, периферийные части кровли — покрыть рулонным газоном (рис. 4).

Рис. 3. Фотография крыши Молодежного центра

Рис. 4. Схема оформления крыши Молодежного центра

Широкие возможности для дизайнерского творчества предоставляет неиспользуемая в настоящее время поверхность крыши Зимнего сада (рис. 5). Одним из преимуществ этой крыши является возможность устройства выхода из учебного корпуса со стороны кафедры дизайна. Основную часть крыши предлагается покрыть резиновой крошкой с рекламой кафедры дизайна, а также использовать террасную доску и газон (рис. 6). Возможно дополнить проектное решение установкой скамеек, навесов, контейнерного озеленения, осветительных приборов и декоративной скульптуры.

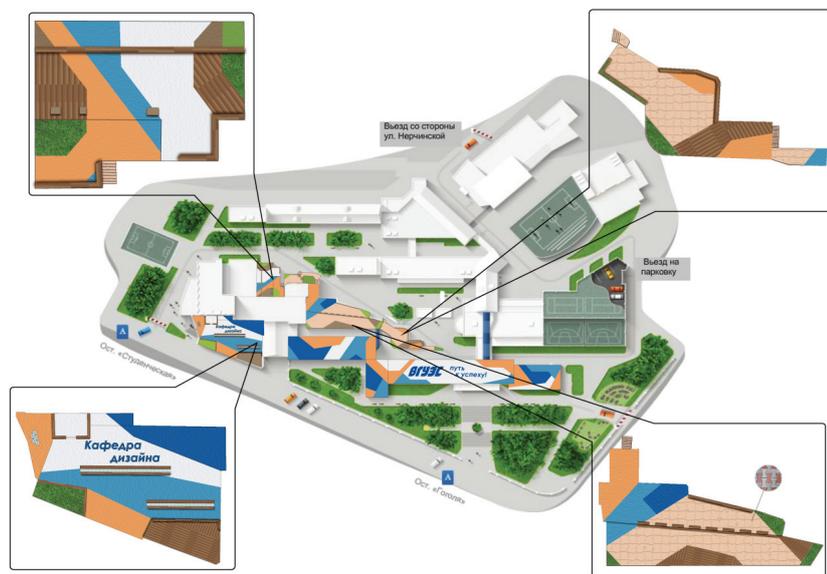

Рис. 5. Фотография крыши Зимнего сада ВГУЭС

Рис. 6. Схема оформления крыши Зимнего сада

Осуществление предложенных мероприятий по благоустройству крыш кампуса (рис. 7) поможет превратить значительное количество университетской территории в качественно новые гармоничные, эстетически выразительные пространства, способные оказывать благотворное влияние на работу глаз с точки зрения теоретической базы видеоэкологии — автоматике саккад. Саккада — это быстрое движение глаз, которое совершается непроизвольно во время сканирования пространства. Обычно совершается две и более саккад в секунду, но после каждой глаз фиксирует какой-либо зрительный элемент, и в мозг поступает информация об увиденном. Когда взгляд останавливается на каком-либо значительном декоративном элементе, амплитуда саккад уменьшается до минимума. Таким образом, художественно выразительные пространства способны вызвать эстетические переживания, оказывая очищающее и восстанавливающее влияние, формируя пространство души.

Рис. 7. План-схема кампуса ВГУЭС с использованием крыш в качестве рекламных поверхностей.
Авторы: Е. К. Тимофеев, М. В. Чаплинская

В 2010 г. студенткой Алиной Кауфман был предложен менее масштабный, но более детализированный проект по преобразованию ландшафта крыши двухэтажного учебного корпуса, расположенного между двумя зданиями общежитий ВГУЭС. Проектом предусмотрена посадка декоративных деревьев и кустарников, озеленение вертикальных конструкций, декоративное ограждение и освещение, создание перголы и других малых архитектурных форм. Покрытие проездов и дорожек предполагается выполнить из дерево-пластикового композита, имитирующего деревянный настил, и отсыпки из гальки (рис. 8).

Рис. 8. Видовой кадр ландшафта крыши в дневное и вечернее время

Создание такого функционально насыщенного и эстетически привлекательного пространства на крыше расширяет возможности социальной коммуникации студентов, преподавателей и посетителей университета, повышая качество и разнообразие взаимодействий, имеющих место внутри социума. Тем самым мы можем наблюдать увеличение «динамической плотности общества», которая, согласно Дюркгейму, «делая социальную жизнь более интенсивной, расширяя умственный горизонт и сферу деятельности индивидов, глубоко изменяет основные условия коллективного существования» [16].

В конце 2013 г. кампус ВГУЭС дополнился крупномасштабным символом в виде самолета Як-40 (рис. 9). Этот самолет совершил сотни перелетов, был списан, но получил вторую жизнь и в скором времени должен быть преобразован в оригинальное кафе. Над его оформлением активно работают дизайнеры, но уже сейчас можно сказать, что это знаковый объект в архитектуре кампуса.

Рис. 9. Самолет на крыше, прилегающей к Международной лингвистической школе ВГУЭС

Выводы. Проведенное теоретическое исследование и практический эксперимент позволяют сделать вывод об эффективности и перспективности использования поверхностей плоских крыш как мест для социальной коммуникации не только с позиций создаваемого комфорта, экологии, сбережения энергии и ресурсов, с эстетической точки зрения, но также с позиции увеличения динамической плотности общества, обогащения городского контекста новыми смыслами. На примере пространств на крышах университетского кампуса конкретизированы основные коммуникационные функции архитектурных знаков в городском контексте:

референтивная,
эмотивная,
повелительная (императивная),
фатическая,
металингвистическая и
эстетическая.

В проанализированных проектах по благоустройству и озеленению крыш ВГУЭС предложены варианты их дизайнерского оформления. Осуществление заложенных в проектах идей способно привести к формированию новых гармоничных городских пространств, влияющих на эстетический облик кампуса в целом, создающих благоприятный психологический настрой, сообщающих новое содержание и подчеркивающих значимость данного архитектурного объекта.

Знаки на крышах, несущие информацию об исторических и других значимых событиях, связанных с этим зданием, могут вызвать должный интерес и мотивировать жителей и туристов на получение более глубоких знаний по истории и современности г. Владивостока. Изучение соответствующей литературы, посещение и фотографирование значимых мест города, а также активизация работы музеев и выставочных пространств, в свою очередь, позволят более эффективно выявлять и «сохранять историко-культурные основы города, его “генетический код”, выраженный в исторических зданиях и памятных местах, для формирования опыта восприятия города жителями и их самоидентификации» [17].

Насыщение городской среды знаковыми элементами и одновременно организация новых точек обзора с высоты даст возможность более ясному прочтению структуры городского пространства, что, в свою очередь, будет способствовать формированию более целостного образа города. Таким образом, пространства на крышах могут выступать своеобразными средствами познания действительности, то есть выполнять познавательную роль.

Рекламно-информационные и рекреационные пространства, полученные в результате преобразования поверхностей кровли, способны реализовать множество социально-культурных функций, становясь катализатором общественной активности, символом современности, знаком единства природного и архитектурного окружения, индексом высокого уровня комфортности среды обитания, заботы о психологическом здоровье общества, показателем статуса и носителем фирменного стиля заведения, средством познания действительности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Moore P. R. S.* Ur' of the Chaldees': a revised and updated edition of Sir Leonard Woolley's Excavations at Ur. N.Y., Ithaca: Cornell University Press, 1982.
2. *Lobell J. A.* Beneath the surface of Pompeii's most famous house // *Archaeology*. 2014. March / April. URL: <http://www.archaeology.org/issues/124-1403/features/1813-pompeii-saving-the-villa-of-the-mysteries> (дата обращения: 27.09.2014).
3. *Małgorzata S.* Place, time and movement: a new look at Renaissance gardens // *Studies in the History of Gardens & Designed Landscapes: An International Quarterly*. 2006. Vol. 26, Issue 3. Pp. 194—236. URL: http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14601176.2006.10435466#.VCak0fl_s4Q (дата обращения: 27.09.2014). DOI: 10.1080/14601176.2006.10435466

4. *Титова Н. П.* Сады на крышах. М.: Олма-пресс, 2006. 150 с.
5. *Вильковский М. Б.* Социология архитектуры. М.: Фонд «Русский авангард», 2010. 592 с., ил.
6. Корбюзье, Брюно Таут, В. Гропиус, И. П. Ауд, Франк Райт, П. Гильберсеймер и другие. Архитектура современного Запада / под ред. Д. Аркина. М.: Изогиз, 1932. 187 с.
7. *Байбурун А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с.
8. *Hemstock B.* Lofty Gains: Living Roof Design // *Landscapes*. 2010. Vol. 12. № 4. Pp. 28—31. URL: http://www.csla-aapc.ca/sites/csla-aapc.ca/files/Landscape%20Paysages/LP_fall_automne_2010_vol12no4.pdf (дата обращения: 26.09.2014).
9. *Mandel L.* Roof to Table // *Landscape Architecture Magazine*. 2014. August. URL: <http://landscapearchitecturemagazine.org/2014/08/07/roof-to-table/#more-5295> (дата обращения: 26.09.2014).
10. *Yeang K., Powell R.* Designing The Ecoskyscraper: Premises For Tall Building Design // *The Structural Design Of Tall And Special Buildings*. 2007. Vol. 16. Iss. 4. Pp. 411—427. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/tal.414/pdf> - P. 418. (дата обращения: 26.09.2014).
11. *Делитц Х.* Архитектура в социальном измерении // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 113—121.
12. *Якобсон Р.* Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 460 с.
13. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Symposium, 2006. 540 с.
14. Архитектура и эмоциональный мир человека / Г. Б. Забельшанский, Г. Б. Минервин, А. Г. Раппапорт, Г. Ю. Сомов. М.: Стройиздат, 1985. 208 с., ил.
15. *Игнатов Г. Е.* Структура пространства как объект анализа и основа построения архитектурной композиции: дис... канд. арх. М.: МАрХИ, 1985. 162 с.
16. *Дюркгейм Э.* Социология: ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А. Б. Гофмана. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2006. 352 с.
17. *Птичникова Г. А.* «Несправедливый город»: городское пространство как отражение общественных отношений // Социология города. 2012. № 3. С. 47—54.

REFERENCES

1. Moorey P. R. S. *Ur' of the Chaldees': a revised and updated edition of Sir Leonard Woolley's Excavations at Ur*. N.Y., Ithaca, Cornell University Press, 1982.
2. Lobell J. A. Beneath the surface of Pompeii's most famous house. *Archaeology*, 2014, march/april. URL: <http://www.archaeology.org/issues/124-1403/features/1813-pompeii-saving-the-villa-of-the-mysteries>
3. Małgorzata S. Place, time and movement: a new look at Renaissance gardens. *Studies in the History of Gardens & Designed Landscapes: An International Quarterly*, 2006, 26(3), pp. 194—236. URL: http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14601176.2006.10435466#.VCak0fl_s4Q. DOI: 10.1080/14601176.2006.10435466
4. Titova N. P. *Sady na kryshakh* [Gardens on Roofs]. Moscow, Olma-press, 2006. 150 p. (In Russ.).
5. Vil'kovskii M. B. *Sotsiologiya arkhitektury* [Sociology of Architecture]. Moscow, "Russian Avantgarde" Fund, 2010. 592 p. (In Russ.).
6. Arkin D., ed. *Korbyuz'e, Bryuno Taut, V. Gropius, I. P. Aud, Frank Rait, P. Gil'berseimer i drugie. Arkhitektura sovremennogo Zapada* [Le Corbusier, Bruno Taut,

W. Gropius, J. Oud, Frank Wright, P. Gilberseymer and others. Architecture of the Modern West]. Moscow, Izogiz, 1932. 187 p.

7. Baiburin A. K. *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Dwelling in Ceremonies and Images of East Slavs]. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2005. 224 p. (In Russ.).

8. Hemstock B. Lofty Gains: Living Roof Design. *Landscapes*, 2010, 12(4), pp. 28—31.
URL: http://www.csla-aapc.ca/sites/csla-aapc.ca/files/Landscape%20Paysages/LP_fall_automne_2010_vol12no4.pdf

9. Mandel L. Roof to Table. *Landscape Architecture Magazine*, 2014, august.
URL: <http://landscapearchitecturemagazine.org/2014/08/07/roof-to-table/#more-5295>

10. Yeang K., Powell R. Designing The Ecoskyscraper: Premises For Tall Building Design. *The Structural Design Of Tall And Special Buildings*, 2007, 16(4), pp. 411—427.
URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/tal.414/pdf>

11. Delitts Kh. Architecture in Social Dimension. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2008, no. 10, pp. 113—121. (In Russ.).

12. Jacobson R. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1985. 460 p.

13. Eko U. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [Lacking Structure. Introduction to Semiology]. Sent-Petersburg, Symposium Publ., 2006. 540 p. (In Russ.).

14. Zabel'shanskii G. B., Minervin G. B., Rappaport A. G., Somov G. Yu. *Arkhitektura i emotsional'nyi mir cheloveka* [Architecture and Emotional World of a Person]. Moscow, Stroiizdat Publ., 1985. 208 p. (In Russ.).

15. Ignatov G. E. *Struktura prostranstva kak ob'ekt analiza i osnova postroeniya arkhitekturnoi kompozitsii* [Space Structure as the Object of Analysis and Basis of Design of Architectural Composition]. Cand. arch. diss. Moscow, MArkhi Publ., 1985. 162 p. (In Russ.).

16. Dyurkgeim E. *Sotsiologiya: ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology: Subject, Method, Purpose]. Trans. from French A. B. Gofman. Moscow, Canon+ ROOI Rehabilitation, 2006. 352 p. (In Russ.)

19. Ptichnikova G. A. "Unfair city": urban space as a reflection of public relations. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2012, no. 3, pp. 47—54. (In Russ.).

© Масловская О. В., Чернявина Л. А., 2014

Поступила в редакцию в октябре 2014 г.

Ссылка для цитирования: Масловская О. В., Чернявина Л. А. Особенности функционирования площадок на крышах как мест социальной коммуникации (на примере кампуса ВГУЭС во Владивостоке) // Социология города. 2014. № 4. С. 53—67.

For citation: Maslovskaya O. V., Chernyavina L. A. Special features of functioning of flat roofs as the places for social communication (on the example of VSUES campus in Vladivostok). *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 4, pp. 53—67. (In Russ.).

УДК 72.017.2

*С. А. Матовников,
Г. С. Матовников***СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
АРХИТЕКТУРНО-СВЕТОВОГО
ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА**

Рассматривается архитектурное пространство города и его изменение в темное время суток. Для описания данного синтетического пространства, возникающего из взаимодействия архитектурной среды города и светопространств источников света, вводится термин «архитектурно-световое пространство». Раскрывается тема влияния параметров данного пространства на городскую среду, социальные взаимодействия и «уличную жизнь». Описываются и систематизируются типы городских пространств и их роль в городской среде, прослеживается связь с современными тенденциями социально ответственного и гуманистически ориентированного урбанизма. Поднимается вопрос о взаимосвязи комфорта – визуального и психологического – городской среды и психологии восприятия, адекватности условий среды различным типам социальных практик использования пространства. Приводятся примеры архитектурных, светотехнических и дизайнерских способов улучшения качества городской среды путем развития и насыщения архитектурно-светового пространства. На основе синтеза результатов авторских исследований новых пешеходных улиц Москвы и изучения современных тенденций европейского светодизайна обозначается круг важных проблем развития городской среды в России.

Ключевые слова:

световая среда,
пешеходные пространства,
светотехнические характеристики.

*S. A. Matovnikov,
G. S. Matovnikov***SOCIAL DIMENSION
OF ARCHITECTURAL-
LIGHTING ENVIRONMENT
IN THE CITY**

Пространство города, «промежутки между зданиями» — вот то, что на самом деле определяет городскую жизнь, развитие, то, насколько город привлекателен, экономически и социально устойчив. Эти идеи популярны среди современных архитекторов, их продвигает такое течение, как «новый урбанизм» [1, 2]. То, что делает это пространство таким значимым — это его социальное содержание. Совокупность социальных практик, процессов и отношений, происходящих в архитектурно-световом пространстве города, определяет социальное измерение этого пространства. Его связность-читаемость показывает, насколько пространство понятно, насколько просто в нем ориентироваться, понятно ли оно встроено в городскую структуру; функциональная адекватность показывает, комфортно ли пространство для проходящих в нем процессов; эстетическое наполнение показывает смысловую наполненность и степень его привлекательности [3].

Архитектурно-световая среда города ночью имеет свои особенности. Распространенной практикой, однако, является традиционно односторонний подход к созданию среды для «нормальных условий», т. е. дневного освещения. При этом большая часть свободного времени современного работающего горожанина приходится на темное время суток, особенно в средней полосе России, когда зимой его продолжительность достигает 15—17 часов. В темное время суток свет и освещение становятся не независимой от человека данностью, а непосредственно объектом проектирования. Таким образом, предметом данной статьи является архитектурное пространство города в темное время суток, для именованного которого Н. И. Щепетков предлагает термин «архитектурно-световое пространство». Упрощая в допустимых пределах, скажем, что главные особенности архитектурно-световой среды ночью — это ее рукотворность и негомогенность. Таким образом, увидеть мы можем лишь то, что освещено либо само испускает свет, настолько и так, как позволяют условия освещения. Архитектурная среда и ее наполнение воспринимаются через ее взаимодействие со средой, создаваемой искусственным освещением.

Первоочередной задачей в развитии городской среды является стимуляция пребывания человека на улице. Человек — самая интересная

The article describes the architectural environment of a city and its dimension during night time. We introduce the term "architectural-lighting environment", describing the new quality of interaction between the architectural environment and the lighting space of urban lighting. The author explores the influences of this kind of environment on the urban social life and "street life". The types of modern city spaces and their role in the city environment is described and analyzed, the links with modern tendencies in socially responsible and urban planning is traced. The question of clues between visual, social and psychological kinds of comfort and environmental appeals to social practices is risen. The article provides the examples of architectural, lighting and design ways to develop the city environment. On the basis of author's researches of new pedestrian streets in Moscow and the investigation of modern tendencies of European lighting design the main questions in developing urban environment in Russia is determined.

Key words:

lighting environment,
pedestrian areas,
characteristics of lighting.

Об авторах:

Матовников Сергей Алексеевич – кандидат архитектуры, доцент, первый проректор, Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет (ВолГАСУ), Российская Федерация, 400074, г. Волгоград, ул. Академическая, 1, matovnikov4@vandex.ru

Matovnikov Sergei Alekseevich – Candidate of Architecture, Docent, first provost, Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering (VSUACE), Russian Federation, 400074, Volgograd, Akademicheskaya St., 1, matovnikov4@vandex.ru

Матовников Григорий Сергеевич – аспирант кафедры архитектурной физики, Московский архитектурный институт (Государственная академия) (МАРХИ), Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 11/4, корп. 1, стр. 4, oxymor@mail.ru

Matovnikov Grigori Sergeevich – Postgraduate student of Architectural Physics Department, Moscow Institute of Architecture (State Academy) (MARKHI), Russian Federation, 107031, Moscow, Rozhdestvenka St., 11/4, site 1, building 4, oxymor@mail.ru

часть города, и то, что делает пребывание человека в городе более приятным и длительным, хорошо для устойчивого городского развития. Таким образом, фокус внимания проектировщика смещается в сторону создания и управления городской средой, ее наполнения и гуманизации. Этот решается, во-первых, с помощью уменьшения числа негативных факторов и общего уровня дискомфорта пребывания на улице; во-вторых, с помощью увеличения длительности пребывания человека на улице [4]. Исследования, проведенные Я. Гейлом, показывают, что из трех типов деятельности, проходящей на улице, — вынужденная (обязательная), свободная (необязательная) и социальное взаимодействие — только вынужденная деятельность не обладает пластичностью относительно условий среды, все остальные виды деятельности к ней очень чувствительны.

Выделяют следующие основные критерии комфортности среды: человеческий масштаб, визуальное разнообразие на уровне взгляда, мягкие границы первого этажа, ритмически организованное движение, а также наличие «опор», «границ», «убежищ», около которых комфортно было бы останавливаться. В темное время суток все эти критерии трансформируются из-за выбранного светового решения. Можно разделить эти критерии на основные группы: функциональные, структурные и эстетические, и описать новые свойства и аспекты архитектурно-световой среды для четырех основных типов функциональных пространств: пространства транспортного движения, пространства пешеходного движения, пространства социального взаимодействия (общения) и пространств отдыха.

Для гуманизации городской среды наиболее важным является развитие пешеходных пространств, сочетающих в себе функции пространств движения, общения и отдыха. В настоящее время расширилась типология улиц согласно их функциональному назначению [5]. Благодаря переориентации градостроительной политики на приоритет пешеходного, велосипедного движения и общественного транспорта возникло большое разнообразие типов улиц, по-разному и в разных пропорциях комбинирующих различные виды движения. Соответственно расширилась и усложнилась задача их освещения.

Кроме традиционных для России улиц с полосами для автомобильного движения и тротуарами по сторонам и сугубо пешеходных улиц, появились пешеходно ориентированные улицы с выделенной полосой движения автотранспорта, для которых характерны широкие, ярко освещенные и благоустроенные тротуары; пешеходно-трамвайные улицы (рис. 1), преимущественно пешеходные (рис. 2), но с путями для движения рельсового транспорта, зачастую также с велодорожками; пешеходно-велосипедные улицы, разделяющие движение пешеходов и велосипедистов, причем велосипед становится самостоятельным видом транспорта даже в таких северных странах, как Дания; совмещенные улицы, допускающие движение всех видов транспорта (в т. ч. автомобильного, кроме грузового) при жестком ограничении скоростного режима и отсутствии разделения транспортных потоков. Освещение пешеходно-трамвайных и пешеходно-велосипедных улиц совмещает функциональное освещение полос движения транспорта и самостоятельное освещение пешеходных пространств. Совмещенные улицы являются, за редкими исключениями, такими как Венеция, очень недавним экспериментом, поэтому еще рано говорить о своеобразии их архитектурно-световой среды.

Рис. 1. Проект освещения центра города Монпелье, Й. Керсале

Рис. 2. Исторический центр Женевы, фотограф И. Варламов

Упрощенно можно представить пространство города как систему узлов и связей, для пешеходного пространства узел можно обозначить как «место», «пространство пребывания», «связь», «путь», «пространство движения» [6]. Пространство движения характеризуется своим линейным характером, направленностью на прямолинейное и последовательное перемещение, от точки к точке, от центра транзита к центру притяжения, от старта к финишу. Пространство пребывания выступает как в роли паузы, промежутка, разбивающего монотонность движения и предлагающего передышку, так и в роли пункта назначения, самостоятельного аттрактора, «места события». В типологии городских пространств улица соответствует «пространству движения», площадь — «пространству пребывания, общения». Для них характерны различные виды «уличной жизни» и социальной активности, взаимодействия с их архитектурно-световой средой, и также различные способы их архитектурной и светодизайнерской организации. В темное время суток расширяются возможности разделения и управления транзитным движением в пешеходных пространствах: вдобавок к тому, что опоры уличного освещения делят и успокаивают пешеходный поток, что отчасти происходит и днем, распределение светопрозрачных пространств дополнительно разделяет скоростные течения: пешеходы, движущиеся с максимальной скоростью, тяготеют, при прочих равных условиях, к максимально освещенным участкам. Создавая единые, широкие или отдельные, меньшие светопрозрачные пространства, можно дополнительно концентрировать или успокаивать пешеходное движение; даже ориентация фонарных столбов поперек или вдоль движения может замедлить или ускорить движение по улице [7]. Сделав видимое впереди «пространство пребывания» или «паузу» более яркими, можно их субъективно приблизить, сделать более «легкодостижимыми», яркостная композиция пространства может усилить или вызвать противоположный эффект с помощью градиентного возрастания или убывания яркости фасадов фронта застройки в поле зрения.

Важным аспектом создания комфортной архитектурно-световой среды является продуманное решение «буферных» пространств — переходных между различными по условиям световыми средами: из ярко освещенного интерьера в значительно более темное уличное пространство. Типичным примером такого перехода является выход из наземного павильона станции метро «Новокузнецкая», реконструированный в 2014 г. (рис. 3). Выходящий из освещенного интерьера наземного вестибюля метро человек проходит через буферную зону окружающей здание колоннады, попадает на ярко освещенную площадь и только затем на более темную улицу. За счет постепенности перехода к зонам с различными уровнями освещенности сглаживается и облегчается процесс темновой адаптации зрения.

Не менее важным аспектом социальной активности и «уличной жизни» является взаимодействие «сценариев видимости», задаваемых светопрозрачными пространствами, и тягой человека к чувству «опоры» и «защищенности», создаваемой архитектурной средой. Относительно расположения человека в светопрозрачном пространстве возможны следующие «сценарии видимости»: «я вижу, меня видят»; «я не вижу, меня видят»; «я вижу, меня не видят»; «я не вижу, меня не видят». Сценарий «я вижу, меня видят» соответствует функциональному пространству движения, обеспечивает чувство безопасности за счет видимости и предсказуемости окружения, но для социальной активности не так бла-

гоприятен. Сценарий «я не вижу, меня видят», возможно, является наиболее неблагоприятным — субъективно это сходно с ощущением актера на сцене, подобная среда ощущается наименее безопасной и предсказуемой, примером ее может быть одинокий фонарь на темной улице. Сценарий «я вижу, меня не видят» напротив, обеспечивает максимальное ощущение безопасности, защищенности, сходное с самоощущением зрителя в театре или вообще человека в интерьере; зачастую создание именно этого ощущения является целью расположения лавочек на удалении от уличных фонарей. Сценарий «я не вижу, меня не видят» в настоящее время практически не встречается в городской среде, это соответствует природным условиям темной безлунной ночью на природе; в городе слишком сильно влияние паразитной засветки неба и светового загрязнения вообще, тем не менее подобного эффекта пытался достичь Ле Корбюзье на озере в проекте Чандигарха.

Рис. 3. Наземный павильон станции метро «Новокузнецкая», Москва. Фото автора

Сценарии видимости в темное время суток накладываются на уже существующую систему психологических границ, подпорок, убежищ, усиливая или разрушая их эффект. Так, большое количество неудачных сочетаний световой среды и архитектурного решения уличного пространства было создано при организации новых пешеходных зон Москвы. Например, на площади перед выходом из станции метро «Третьяковская» расположены скамейки, освещенные, благодаря не юстированным после установки светильникам, ярче, чем некоторые стадионы: до 1000 люкс на уровне сидения. Популярностью как место для отдыха эти скамейки не пользуются, зачастую люди предпочитают стоять...

Особенно значимым в формировании насыщенной, интересной и безопасной архитектурно-световой среды пешеходного пространства является решение первых этажей (рис. 4). Витринное освещение — один из наиболее визуально привлекательных вариантов этого решения.

Рис. 4. Исторический центр Лиона, фотограф И. Варламов

Кроме непосредственно информационной насыщенности поля зрения прохожего, витринное освещение создает мягкое, психологически комфортное светопространство: чувство безопасности возникает не только благодаря освещенности, но и из-за «оживления» улицы. Работающие магазины, входящие и выходящие люди, покупатели и просто наблюдатели, останавливающиеся у витрины, оживляют пространство, наполняют его «уличной жизнью». Конечно, витринное и рекламное освещение фактически являются результатом индивидуальных, зачастую волонтаристских и непрофессиональных решений отдельных предпринимателей — арендаторов, поэтому настолько важна регуляция вопроса этого освещения на муниципальном уровне [8]. Прискорбно, что удачных примеров такой регуляции, например, в Москве, немного, и чаще можно наблюдать попытки отдельных витрин и реклам «крикнуть погромче» и засветить поярче, поцветнее — в сумме это приводит к хаотичному, дробному, дискомфортному образу среды.

Вопрос масштабности пространства также крайне важен в формировании образа среды. Традиционно он решается архитектурными средствами, путем членения, разграничения и наполнения пространств. Таким образом, приведение городской среды к человеческому масштабу огрубленно можно назвать процессом разбиения объектов, образующих поле человеческого зрения, на сомасштабные человеку фрагменты; таким образом, визуальное восприятие среды обусловлено ее разнообразным членением. Тем не менее, в темное время суток визуальное восприятие обуславливается, в первую очередь, вопросом видимости, различимости — т. е. тем, как решено архитектурно-световое пространство, образованное взаимодействием светопространств уличного освещения, подсветки и архитектурного пространства улицы. Светопространство, создаваемое уличным фонарем, задает границы и видимости, и среды, поскольку в зрительном восприятии существует лишь то, что освещено, т. е. отражает свет или же испускает свет само. Вопрос об особенно-

стях взаимодействия и взаимовлияния элементарных и утилитарных светопространств, создаваемых светильниками, и архитектурного пространства улицы в современной теории архитектуры и светодизайна изучен еще не в полной мере, но основные тенденции были обозначены в книге «Световой дизайн города» Н. И. Щепеткова. На практике же происходит эмпирический и нерелексивный синтез индивидуального опыта и творческих концепций, без должного уровня теоретического осмысления. Механистическая расстановка опор уличного освещения, в лучшем случае — световое зонирование различных функциональных пространств — результат недооценки или непонимания возможностей и принципов светодизайна городской среды. Тем не менее, анализируя примеры удачных, пусть и найденных интуитивно-эмпирически решений, можно наметить направления для размышлений о тенденциях, приводящих к этим решениям. В первую очередь, это объединенный, комплексный подход к решению архитектурно-световой композиции — т. е. совместное проектирование архитектурного и уличного освещения; управление световой рекламой и витринным освещением; расширение и уточнение нормируемых показателей освещения для зон особого городского значения; взвешенное решение функционального и декоративно-выразительного городского освещения [9] (рис. 5).

Рис. 5. Plaza del torico, Испания

Кроме человеческого масштаба, эффективным приемом гуманизации пространств и повышения комфорта пребывания является их «интерьеризация» — перенос различных элементов жилого пространства в пространство города. Зачастую это решается применением уличной мебели, отсылающей или прямо воспроизводящей формы мебели домашней: скамейки в форме диванов и кресел, уличные фонари-«лампы» с матерчатыми абажурами и т. д. Этот прием не может применяться повсеместно, и вопрос его применимости в каждом конкретном случае спекулятивен, но есть и другие. Например, использование нехарактерных материалов отделки дорожного покрытия — паркета, мягкого «ковра» из резины (рис. 6) [7].

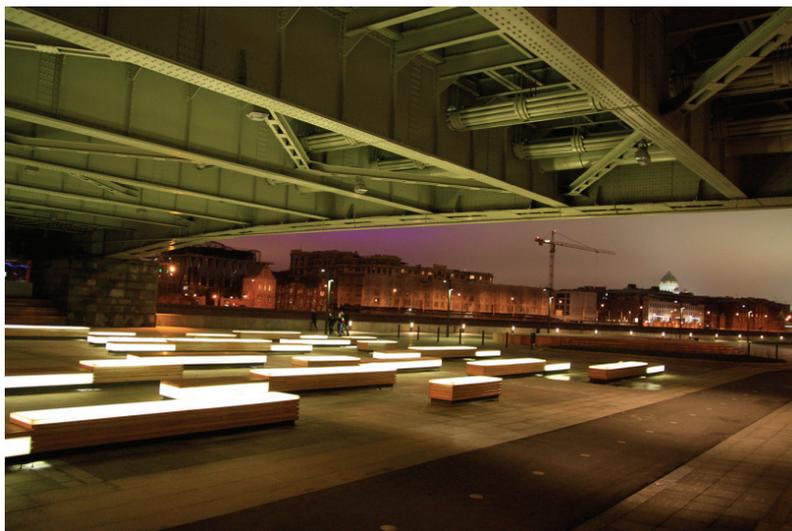

Рис. 6. City lounge, St. Gallen, Швейцария

Однако неправильное светодизайнерское решение способно перечеркнуть все старания и обесценить все использованные приемы: в первую очередь это необдуманный подбор источников света без оглядки на их цветовую температуру. Так, зачастую при установке светодиодных светильников в расчет принимается лишь их яркость, которая максимальна у светодиодов холодного белого света с $T_{ц} > 6000$ К: световая среда, которую они создают, становится мертвенно-бледной, «больничной», что зачастую хуже даже не самых лучших с точки зрения качества цветопередачи, но теплых натриевых ламп высокого давления. К сожалению, опыт изучения световой среды новых пешеходных улиц Москвы показывает, что, вероятно, из-за нехватки времени на стадии реализации комплектация уличных фонарей светильниками происходит по принципу «ставить то, что есть на складе», и со временем эксплуатации и замены вышедших из строя светильников ситуация не улучшается. Эта проблема могла бы быть полностью решена использованием относительно дешевых светодиодов с $T_{ц} \approx 3300$ К. При этом сегодня, на доступном техническом уровне, светодиодные светильники, состоящие из RGBW (красный-зеленый-синий-белый) и RGBA (красный-зеленый-синий-янтарный) светодиодов, способны создавать изменяемую и контролируемую цветодинамическую архитектурно-световую среду. Подобное решение дает возможность не только максимально точно подобрать необходимые параметры архитектурно-световой среды, создающей интерьерное пространство, но и реализовывать различные программы этой среды.

Благодаря развитию осветительной техники, становящейся все более миниатюрной и энергоэффективной, стал возможен новый тип уличной мебели, совмещенной с различными акцентирующими и локальными источ-

никами света. Для ее описания Н. И. Щепетковым был предложен термин «светоформа», подчеркивающий единство образа, создаваемого светом и материальным базисом объекта. Пока что еще мало распространенные, штучные примеры использования светоформ уже могут описать сферы их применения. Так, светящиеся скамейки, например на Крымской набережной, способны в локальном масштабе заменить уличное освещение: организованный из них массив формирует довольно комфортную равномерную световую среду (рис. 7).

Рис. 7. Светящиеся скамейки, фото автора

В парках и зеленых зонах подсветка таких скамеек зачастую сконцентрирована в нижней части, что одновременно улучшает визуальное различие на уровне земли и практически не создает паразитной засветки неба и окружения, сохраняя на уровне глаза наблюдателя достаточно низкую освещенность, характерную для камерной темноты.

Кроме не прямых методов повышения насыщенности «уличной жизни», описанных выше, архитектурно-световое пространство улицы может выполнять функции выставочного пространства или зрительного зала. Все большую популярность приобретает не просто праздничная уличная иллюминация, но организация тематических «фестивалей» с применением обширного спектра возможностей современной осветительной техники. Используются временные установки: световая скульптура, световая инсталляция; организуются различные шоу: лазерные и лазерно-световые, видеомэппинг и видеопроекция; световые художники создают произведения искусства, синтетически соединяющие выразительные возможности свето-цвета, звука, форм и материалов в городской среде.

Световая скульптура (светоформа) (рис. 8) и ее продвинутая разновидность — интерактивная световая инсталляция — являются одними из долговременных способов насыщения событийной среды.

Рис. 8. *Chaumont Sur Loire, Франция*

В отличие от традиционной скульптуры, световая скульптура зачастую имеет более фантомный, нематериальный характер, ее визуальная плотность возникает только в темное время суток и образуется за счет испускаемого света или сочетания подсветки и материальных форм. Такая скульптура обычно подразумевает быструю и простую установку и демонтаж, благодаря своему временному характеру, ей вообще присущ изменчивый и непостоянный вид. Характерным примером такой скульптуры является выполненный фирмой Philips Lighting проект «Хранители сокровищ» светового художника Cédric Verdure, расположенный перед Государственным банком Парижа (рис. 9).

Рис. 9. *Ажурная конструкция световой скульптуры «Хранители сокровищ»*

Использованные материалы делают эту скульптурную группу незаметной днем, вечером ее вид преобразуется в запоминающийся, яркий образ; дополнительным преимуществом света как пластического инструмента является то, что его цвета воспроизводят фирменные цвета Государственного банка Франции [11].

Световая инсталляция — технически более сложный объект, но его интерактивность зачастую делает его более интересным и привлекает к нему длительное, устойчивое внимание. То, что его интерактивность задает игровой характер взаимодействия, приводит к кумулятивному эффекту: объектом

искусства становится не сама инсталляция, а процесс ее взаимодействия с человеком. Так возникает двойное социальное взаимодействие: люди, играющие с арт-объектом, становятся актерами, создавая зрелище для наблюдающих за ними, зачастую значительно более многочисленных зевак. Каким-то образом классифицировать световые инсталляции сложно: каждая из них задает человеку свои загадки, играет по своим правилам. Характерным примером таких инсталляций может послужить проект бюро Electroland «Культурная витрина» в Монреале, Канада (рис. 10).

Рис. 10. Прохожие как часть инсталляции «Культурная витрина»

В отличие от световых скульптур и инсталляций, являющихся материальными объектами, расположенными в архитектурно-световой среде улицы как в выставочном пространстве, световые и лазерные шоу, а также световые проекции и видеомэппинг являются чисто виртуальным способом обогащения среды. Световые и лазерные шоу, хоть и являются фактором повышения привлекательности среды, с ней практически не взаимодействуют и нейтральны по отношению к окружающему пространству, кроме случаев организации уникальных церемоний и событий, когда световое шоу является одной из частей в сценарии действия. Видеомэппинг и световая проекция — относительно недавно появившиеся виды световых ивентов, крайне тесно взаимодействующих с пространством улицы: фактически фронт застройки становится проекционным экраном, холстом, на котором возникает световая живопись и анимация (рис. 11).

В зависимости от авторского решения фасад здания может игнорироваться, выступая лишь фоном для происходящего, но чаще все же происходит его «превращение», метаморфоза и сказочное преображение его образа, разрушение и восстановление тектоники, макабрическое и сюрреалистическое формотворчество, ограниченное лишь фантазией художника. Кроме фасадов зданий, распространена практика видеомэппинга деревьев и зеленых зон, что приводит к дополнительному разнообразию из-за подвижного, изменчивого характера фона изображения — листья дерева, волнующейся от ветра (рис. 12).

Рис. 11. «Деконструкция» тектоники фасада световой проекцией

Рис. 12. Призрачные «лица» на деревьях. Фестиваль искусств Art&About-2012, Сидней

Неисчерпаемые возможности изменения характера и наполнения пространства, которые дает искусственное освещение, благодаря научно-техническому прогрессу дополняющиеся и расширяющиеся быстрее, чем происходит их осмысление и внедрение в творческий метод специалистов, работающих в этой сфере, запустили взрывной рост числа профессий, занимающихся световой средой. Традиционно в мировой практике существует разделение на художников освещения — в театре, цирке, кино, телевидении — и на светодизайнеров, работающих в городе и интерьере. Тем интереснее индивидуальные примеры соединения обеих этих профессий — привнесение в светодизайн элементов художественного метода других дисциплин — пластических искусств, кинематографа, театра, живописи. Из этого происходит синтез авторских понятий, связывающих подобные дисциплины, таких как световой сценарий и световая иконографика, световая атмосфера,

световая модуляция пространства улицы. Наряду со светодизайнерами, занимающимися вопросами освещения в масштабе города, крупных районов или объектов, возникла «ниша» для художников и скульпторов, создающих световые инсталляции, видеоарт-интерактивных художников, использующих пространство города как холст, выставочную площадку или лабораторию и одновременно работающих на обогащение и развитие среды города. Ни один из специалистов не способен в одиночку охватить всю сферу создания и управления искусственным освещением, что делает особо важным вопрос профессионального взаимодействия, обмена опытом, сотрудничества и взаимобучения архитекторов, светодизайнеров, световых художников и световых инженеров [10]. Глубокая интегрированность процесса проектирования освещения в общий архитектурный процесс, взаимодействие светового художника, задающего небывалые, нестандартные задачи, и мощного научно-инженерного отдела фирм, разрабатывающих и производящих осветительные приборы и системы, — единственный путь, который приводит к синергетическому синтезу,двигающему передний край современного светодизайна и дающему большинство удачных примеров для осмысления теоретикам.

Иллюзорный, виртуальный образ города в темное время суток, мираж, возникающий и исчезающий буквально по мановению руки, но мираж могущественный, образ, затмевающий дневной, становится расхожим «видом с открыток»; свет в ночи — архетипический, воздействующий на самые глубинные биологические установки и создающий необычайно мощные культурные коды, опосредующий все виды социальной активности в городской среде. Это инструмент, к владению которым, к сожалению, в России до сих пор не готовят, осмыслением возможностей, но и ответственности использования которого занимается прискорбно мало ученых, использование которого слишком часто происходит волюнтаристски, «на-глазок»: можно надеяться, что время его триумфа еще впереди. В конце концов, не так сложно поменять прожекторы и переставить фонари, может, очередная рокировка окажется удачной, может, начнут пытаться воспроизвести не только внешний вид «современного города», но и подход к его проектированию.

Перечисленные выше способы и методы развития социальной среды города с помощью улучшения качества архитектурно-световой среды не исчерпывают всех возможностей: постоянно идущий вперед научно-технический прогресс и творческий поиск светодизайнеров и остальных специалистов смежных специальностей расширяют и дополняют этот арсенал средств. Взаимосвязь психологии восприятия городского пространства с характером его световой среды, согласование социальных процессов и архитектурно-светового базиса — эти базовые вопросы пока что не могут считаться понятыми или изученными в достаточной мере. В рамках статьи они раскрываются лишь как спекулятивное объединение эмпирического опыта авторов в изучении новых пешеходных улиц Москвы и фрагментов теоретических представлений современного урбанизма. Тем не менее, представляется важным и значимым обозначить проблему создания комфортной, гармоничной городской среды социально насыщенных пространств — в первую очередь пешеходных — в условиях искусственного освещения, продемонстрировать практический потенциал такого вида развития и благоустройства среды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Антюфеев А. В.* Устойчивое развитие города и социальные аспекты градостроительной политики // Социология города. 2010. № 3. С. 5—9.
2. *Гейл Я.* Города для людей. М.: Альпина Паблишер, 2012. 277 с.
3. *Линч К.* Образ города / пер. с англ. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
4. *Джекобс Д.* Смерть и жизнь больших американских городов / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.
5. *Птичникова Г. А., Антюфеев А. В.* Новые морфотипы архитектурного пространства современных городов // Социология города. 2014. № 2. С. 5—19.
6. *Глазычев В.* Городская среда. Технология развития: Настольная книга. М.: Лада, 1995. 241 с.
7. *Clair L.* Architecture des lumières. Editions Fragments, 2003.
8. *Макарова К.* Постиндустриализм, джентрификация и трансформация городского пространства в современной Москве. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/ma25.html>
9. *Щепетков Н. И.* Световой дизайн города. М.: Архитектура-С, 2006. 320 с.
10. *Narboni R.* La lumière urbaine: éclairer les espaces publics. Paris: Le Moniteur, 1995.

REFERENCES

1. Antyufeev A. V. Sustainable development of city and social aspects of planning urban policy. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2010, no. 3, pp. 5—9. (In Russ.).
2. Geul Ya. *Goroda dlya lyudei* [Cities for People]. Moscow, Alpina Publisher, 2012. 277 p. (In Russ.).
3. Lynch K. *Obraz goroda* [Image of the City]. Moscow, Stroiizdat, 1982. 328 p. (In Russ.).
4. Dzhhekobs D. *Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov* [Death and Life of Big American Cities]. Moscow, Novoe Izdatel'stvo, 2011. 460 p. (In Russ.).
5. Ptichnikova G. A., Antyufeev A. V. New morphotypes of architectural space of modern cities. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 2, pp. 5—19. (In Russ.).
6. Glazychev V. *Gorodskaya sreda. Tekhnologiya razvitiya: Nastol'naya kniga* [Urban Environment. Technology of Development: Guide]. Moscow, Lad'ya, 1995. 241 p. (In Russ.).
7. Clair L. *Architecture des lumières*. Editions Fragments, 2003.
8. Makarova K. *Postindustrializm, dzhentrifikatsiya i transformatsiya gorodskogo prostranstva v sovremennoi Moskve* [Postindustrialism, Gentrification and Transformation of the City Space in Modern Moscow]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/ma25.html> (In Russ.).
9. Shchepetkov N. I. *Svetovoi dizain goroda* [Light Design of the City]. Moscow, Arkhitektura-C, 2006. 320 p.
10. Narboni R. *La lumière urbaine: éclairer les espaces publics*. Paris, Le Moniteur, 1995.

© Матовников С. А., Матовников Г. С., 2014

Поступила в редакцию в ноябре 2014 г.

Ссылка для цитирования: Матовников С. А., Матовников Г. С. Социальное измерение архитектурно-светового пространства города // Социология города. 2014. № 4. С. 68—81.

For citation: Matovnikov S. A., Matovnikov G. S. Social dimension of architectural-lighting environment in the city. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 4, pp. 68—81. (In Russ.).

**УСЛОВИЯ
ПРИЕМА СТАТЕЙ В РЕДАКЦИЮ
И ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ
ОРИГИНАЛАМ**

Научно-теоретический журнал «Социология города» (далее — Журнал) издается для ознакомления научной общественности с результатами научных исследований по проблемам урбанистики в области социологии, философии, культурологии и других гуманитарных наук ученых ВолгГАСУ и иных научных организаций и вузов.

Учредитель Журнала — ученый совет ВолгГАСУ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Журнал зарегистрирован Международным центром ISSN, ISSN 1994-3520 (Print), ISSN 2077-9402 (Online).

Журнал входит в утвержденный ВАК Минобрнауки России Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (ред. 2011 г.).

Журнал выходит четырежды выпусками в год.

Требования к оформлению статей. Статью необходимо представить на электронном носителе и в распечатанном виде в сопровождении: 1) заполненного автором лицензионного договора (2 экз.) (*скачать бланки* <http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/>), 2) анкеты автора (<http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/>). Все сопроводительные документы представляются на бумажных носителях в оригинале.

В отдельном файле помещаются сведения об авторах на русском и английском языках, а также кириллицей — в полном соответствии с данными в заполненном бланке анкеты (см. выше): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы; почтовый адрес, телефон и адрес электронной почты.

В статье приводятся:

индекс УДК;

на русском и английском языках:

фамилия и инициалы автора,

название статьи,

аннотация (на рус. яз. — до 500 знаков, на англ. — от 500 знаков до полной страницы),

ключевые слова.

Текст статьи заверяется подписью автора (соавторов).

Объем статьи — не менее 15 с. установленного формата журнала (см. ниже), включая название, аннотации, ключевые слова, текст, таблицы, рисунки, библиографический список. Последняя страница считается полной независимо от фактического заполнения.

Оригинал статьи должен быть набран с помощью пакета программ *Microsoft Office (Word 2003)*; шрифт *основного текста* — Times New Roman (Сур) № 11 (11 пунктов).

Параметры страницы — поля, см: верхнее — 3,7; нижнее — 4,5; левое — 2,0; правое — 6,0; переплет — 0, поля зеркальные. Расстояние от края до верхнего колонтитула, см — 3,0, от края до нижнего колонтитула — 3,7. Абзацный отступ равен 0,75 см. Межстрочный интервал одинарный. Автоматически устанавливаются переносы (не более 4 подряд в одном абзаце). Автоматически устанавливается запрет висячих строк.

Для набора формул используется редактор формул *Microsoft MathType 5*; по умолчанию устанавливаются размеры шрифта для одно- и двухстрочных формул: обычного — 11 пт, крупного и мелкого индекса — соответственно 8 и 6 пт, крупного и мелкого символа — соответственно 16 и 11 пт. Греческие и русские буквы набираются прямым шрифтом, латинские — курсивом. Если написание в формулах отличается от традиционного, автор должен сделать соответствующие пометки на полях распечатанной статьи, при этом греческие буквы обводятся красным карандашом, готические — синим. Формулы выключаются в левый край с абзачным отступом. Запись формулы выполняется автором с использованием всех возможных способов упрощения и не должна содержать промежуточные преобразования.

Векторные рисунки, сохраненные в формате WMF, *растровые* — в TIF или BMP, *графики и диаграммы*, построенные в *Microsoft Excel*, дополнительно помещаются на электронный носитель отдельными файлами. Имя файла должно соответствовать наименованию или номеру рисунка в тексте статьи. Кроме того, *иллюстрации* обязательно присылаются распечатанными на отдельных листах формата А4 в масштабе 1:1, в пригодном для сканирования виде. Размер шрифта текста в рисунках — 9...10 пт. *Подписи к рисункам* выполняются непосредственно в тексте статьи шрифтом Times № 10 (10 пт), экспликация в подрисуночной подписи — Times № 9 (9 пт). Для сжатия больших файлов использовать архиваторы *Arj* и *WinZip*, *WinRAR*.

Цветные и черно-белые фотографии присылать в оригинальном виде с подписями на обороте. Цифровые фотографии выполнять с разрешением не менее 300...600 dpi, присылать в электронном виде в любом графическом формате, кроме .jpg.

Текст *таблиц* набирается шрифтом Times New Roman (Cyr) № 10 (10 пт).

ПРИСТАТЕЙНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ РАЗМЕЩАЮТСЯ ПОСЛЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА СТАТЬИ.

В библиографическом списке приводится только цитируемая в статье литература. ПРИВЕТСТВУЕТСЯ ЦИТИРОВАНИЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАНЕЕ В ЖУРНАЛЕ СТАТЕЙ. Источники группируются в списке в порядке упоминания в тексте. Ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках (ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ). В библиографическую запись включаются только основные элементы библиографического описания (ГОСТ 7.0.5—2008). Разделительные знаки «тире» между областями опускаются. Шрифт Times New Roman (Cyr) № 9 (9 пт). Язык библиографических записей соответствует языку описываемых источников.

Авторы статей несут всю полноту ответственности за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, нанесенный публикацией статьи. Редакция исходит из того, что, в соответствии с законодательством РФ в части авторского права, автор, направляя статью в редакцию, полностью соглашается с условиями редакции и, следовательно, только сам лично несет ответственность за использование в тексте статьи материалов третьих лиц и соблюдение их авторских прав. Все права автора и вся полнота его ответственности сохраняются и после публикации статьи в журнале.

Порядок рецензирования. Статьи обсуждаются редколлегией, рецензии, поступившие в сопроводительных материалах, учитываются.

Статьи, не отвечающие изложенным требованиям, редколлегией не принимаются. Материалы, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста. Корректур статей авторам не предоставляется. Переписка, телефонные переговоры по согласованию авторских и редакционных изменений текста статьи производятся за счет автора.

Гонорар за опубликование статьи не выплачивается, плата за публикацию статей с аспирантов не взимается.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ОЧЕРЕДНОГО НОМЕРА ЗАВЕРШАЕТСЯ ЗА 3 МЕСЯЦА ДО ПЛАНИРУЕМОГО ВЫХОДА В СВЕТ.

Примерный график выпуска журнала:

- март (прием статей до 1 декабря);
- июнь (прием статей до 1 марта);
- сентябрь (прием статей до 1 июня);
- декабрь (прием статей до 1 сентября).

Тематические рубрики. В Журнале публикуются научные статьи и другие материалы по вопросам социологии, философии, экономики, политологии и других гуманитарных наук в соответствии с основными тематическими рубриками:

АВТОРАМ

Человек в современном городе.

Город как экономическая система.

Управление социальными и экономическими системами.

Город и власть.

Архитектурное пространство как социокультурный феномен.

Техносфера современного города: город и экология.

Направлять статьи и обращаться по вопросам об условиях их публикации и приобретения очередного номера журнала по адресу: **400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-508. Гл. ред. журнала «Социология города» Навроцкому Б.А. Тел. (8442)-96-99-25. E-mail: jurnalfil@mail.ru**

По вопросам подготовки авторского оригинала статьи к печати обращаться по адресу: 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-210, редакционно-издательский отдел ВолГАСУ. Тел. (8442)-96-98-28. E-mail: mariapes@mail.ru

---

Научное издание

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2014. № 4

Научно-теоретический журнал

Редактор *М.Л. Песчаная*

Компьютерная правка и верстка *М.Л. Песчаная*

Перевод на английский язык *О.Ю. Юшко*

Компьютерный дизайн обложки *Т.М. Потокина-Курилкина, О.Ю. Мелешин*

Информационно-библиографическое обслуживание *Е.В. Хромова*

Подписано в печать 03.12.2014.

Формат 70 × 108/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Уч.-изд. л. 5,5. Усл. печ. л. 7,3. Тираж 500 экз. Заказ № 44.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет»

Редакционно-издательский отдел

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии ВолГАСУ

400074, Волгоград, ул. Академическая, 1